

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

ЛАДЬЯ СВЕТА

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец

Ладья света

«Емец Д. А.»

2013

Емец Д. А.

Ладья света / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2013 — (Мефодий Буслаев)

Раз в десять лет между стражами Света и стражами мрака проходят Запретные бои. Люди к участию в них не допускаются, но если человек предложит свой эйдос, то может сразиться с любым, кто примет вызов. Мефодию не нужен любой, ему нужен только один темный страж – Джаф. Ведь именно у него хранится медальон, в котором уже много лет томится душа жены Арея, учителя Мефа. Буслаев обещал ему, что добудет медальон, чего бы это ни стоило. Но как одолеть противника, сражающегося невидимым оружием, о котором ничего не известно? Или в этой битве Мефодию не победить? Положение осложняется тем, что забрать погибшего в схватке предстоит Ирке – младшему менагеру некроотдела, которую Мамзелькина видит своей преемницей. И отказаться нельзя – на весах жизнь Багрова и Бабани.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев. Ладья света

Habent sua fata libelli (лат.) – книги имеют свою судьбу.

Теренций Мавр

Так-то я лишний раз убедился, что от автора зачастую зависит только решение, писать ли книгу или не писать ее; раз решение принято – она пишется сама и принимает ту форму, которую должна принять по внутренней необходимости.

Ф.Ф. Зелинский

Чтобы проза могла быть признана хорошей, в ней должна биться какая-то великая целостная мысль, охватывающая сразу все и существующая не столько в структуре книги, сколько в структуре вечности. Если этой мысли нет, то и стилистика, и сюжет, и диалоги, сколь бы удачны они ни были, – это просто красочки в коробочке.

Йозеф Эметс

Глава 1

Младенец Улиты

В красном доме на красной улице жил человек, у которого все было красное: красная шапочка, красная рубашка, красные носки. Он полюбил девушку, у которой все было синее. Синие волосы, синее платье, синий бант. Только нос у нее был красный. За это он ее и полюбил.

Сказка Багрова

Последняя неделя сентября выдалась неестественно теплой. Мать-природа явно что-то перепутала – отдала отделу доставки неправильное распоряжение и завезла в Москву южную осень.

Спустив с подножки мотоцикла левую ногу и поигрывая ручкой газа, Эссиорх стоял в очереди на поворот. Он пропускал ползущие мимо машины и, провожая их взглядом, вполголоса комментировал:

– Василич... Зина... Мустафа... Петя... Коля... Нет, не Коля. Все-таки Соня! И ездит как типичная соня!

Имена были неслучайны и обозначали не только пол, но и манеру езды. «Василич» в классификации Эссиорха был спокойный, грамотно действующий на дороге водитель с большим опытом. «Зина» – дамочка, держащая ладошки близко на руле и смотрящая на дорогу в одну точку, чуть приподняв подбородок. «Мустафа» – горячий джигит, несущийся на обмотанной скотчем тачке и тормозящий пяткой об асфальт. «Петя» – водитель, развозящий мелкие грузы по магазинчикам и бросающий фургон где попало, чуть ли не в арках. «Коля» – новичок-первогодок, поверивший в свои силы и в свою невероятную крутизну. Очень опасный тип, вдвое опаснее Мустафы. Ну а «Соня»... с соней все понятно... Ей бы проснуться – и пусть продолжается жизнь!

Наконец в сплошном потоке машин появилась лазейка, и Эссиорх сумел прорваться. Больше его ничего не держало. Хроническая автомобильная пробка центра была мотоциклу не страшна. Эссиорх умело лавировал, пробиваясь к клинике на «Чистых прудах». Откуда-

то прилетел желтый лист и залепил хранителю мотоциклетные очки. Эссиорх ловко убрал его левой рукой и зубами закусил черенок так, чтобы лист трепало ветром.

Со стороны казалось, что Эссиорх совсем не нервничает, и он сам тоже так считал, но все же, пока он добрался до места, черенок оказался изжеванным, а он заметил это, лишь ощутив его горьковатый вкус.

Эссиорх оставил мотоцикл у полосатого шлагбаума, приковав его цепью к высохшему дереву, выкрашенному в зеленый цвет. За шлагбаумом начинался длинный, обсаженный тополями двор. Двор имел форму буквы «Г». Вдоль длинной палочки «Г» тянулось старое пятиэтажное строение.

Слово «РОДДОМ» было написано не на нем, а на кирпичной будке охранника, но все равно почему-то все шли не к охраннику, а в пятиэтажку. Должно быть, рожениц вел мудрый инстинкт. Эссиорха инстинкт никуда не вел, но он тоже почему-то направился в пятиэтажку.

В приемном отделении Эссиорха уже ждали. К нему метнулась молодая докторша с обкусанными лиловыми ногтями. Чтобы казаться солиднее, докторша носила узкие очки в тяжелой оправе. Мотоциклетный вид Эссиорха ее несколько смутил, но она защитилась тем, что скрестила на груди руки.

– Ваша жена в предродовой. Вы привезли документы?

– Бумаги! А, ну да, конечно! – Эссиорх опустил на стол тяжелую папку.

Докторша моргнула. Ей казалось, что он вошел в отделение с пустыми руками.

– Да-да, спасибо, тут и анализы, и все... Простите за нескромный вопрос... ваша жена... вы давно ее знаете?

Эссиорх вежливо посмотрел на докторшу. Та смутилась и так ткнула пальцем в свои черепаховые очки, что даже голова немного покачнулась.

– Ваша жена... какая-то немного... Она всегда ест тарелки?

– Что она ест?

– Это было при мне. Печенье лежало на тарелке. Ваша жена взяла тарелку и...

– Улита переживала. Печенье круглое, тарелка тоже круглая. Я куплю вам новую! – пообещал Эссиорх.

Докторша мило улыбнулась, но на всякий случай встала так, чтобы между ней и Эссиорхом оказался стол.

– Понятно. И еще вопрос... Почему она приехала в роддом так поздно?

– Улита собиралась. Грузовик с вещами застрял в пробке.

– Еще немного – и ребенок родился бы в дороге!.. Мы пытались сделать ей укол – у нас вскипело лекарство в ампуле! А ее кожа! Об нее ломаются иглы шприцов!

– Мышцы напряжены... – предположил Эссиорх.

– Где мышцы? В коже?.. Поверьте, я могу отличить! Но главное: у вас какие-то непонятности с личными данными. Биологически – это молодая женщина, а компьютер выдает, что ваша жена... – докторша испуганно посмотрела на Эссиорха и замолчала.

– Да-да, продолжайте! – сказал он ободряюще.

– ...умерла сорок лет назад...

Эссиорх с облегчением улыбнулся:

– А, вы об этом! А я уж испугался: что-то серьезное! Да не умерла она! Просто на Лысой горе на нее наложили лунатическое заклятие. Она – в Москве уже – стала бродить ночами и свалилась с двенадцатого этажа на асфальт! Сломала палец на ноге, ей было очень больно, она потеряла сознание, ее посчитали за мертвую и похоронили. А ночью Улита очнулась и вылезла из... Что с вами?

– Ничего... Не могли бы вы подождать снаружи? Я... мне надо идти!

– Я же не закончил!

– Потом... потом...

Докторша тихо попятилась и, защищаясь схваченной со стола папкой, скрылась где-то в недрах отделения. Хранитель улыбнулся. Он давно разобрался, что лучший способ, чтобы тебе не поверили, – говорить правду, и одну только правду.

Эссиорх вышел на улицу. Он так волновался за Улиту, что не мог сидеть и ходил под тополем. Рядом на скамейке помещался небольшой гладковыбритый мужичок, то и дело таинственно подносящий к губам обмотанную скотчем ручку зонтика.

– Не мельтеши, новичок! Голова от тебя болит. Хочешь? – предложил он Эссиорху, протягивая ему зонтик. Хранитель увидел, что к ручке зонтика скотчем примотана бутылка.

– Если будешь брать, не оборачивайся и не смотри на шлагбаум. Он за нами наблюдает. Умный, блин! Тут все умные! Один ты новичок! – зашептал мужичок.

Эссиорх ощутил себя персонажем Франца Кафки:

– Кто за нами наблюдает? Шлагбаум?

Мужик с зонтиком хихикнул:

– Нет, ну разве я был не прав, когда сказал, что ты новичок? Охранник... Кстати, мы сидим именно под тем самым окном! Второй этаж! Они появляются на свет здесь! Я все досконально изучил.

– Кто появляется?

– Дети. У меня три дочери, и сегодня рождается четвертая. С точки зрения любого китайца, я абсолютно бездетный человек. Выйдут замуж и станут всякими Булкиными, Жулькиными... Представить противно!

– Так, может, не выйдут еще? – утешил его Эссиорх.

– А не выйдут – еще хуже, только нервы измотают, – мужичок снова поднес к губам ручку зонтика. – У тебя-то самого кто? Дочь?

– Нет, – сказал Эссиорх виновато. – Не совсем.

За это «не совсем» мужичок с зонтиком посмотрел на него, как матрос на недобитого буржуя.

– Ну вот! – сказал он сквозь зубы. – Некоторым сразу везет! А то сидишь тут, сидишь!

Отец четырех дочерей нахохлился, поднял воротник пиджачка и больше зонтик не предлагал. Эссиорх отошел от него шагов на пять и, встав у тополя, стал смотреть на большое покрашенное окно с большим кондиционером справа. Кондиционер тихо гудел, из трубки под ним капала вода.

Прошел час, еще полчаса. Никаких звуков с той стороны окна не доносилось, но несколько раз в том месте стекла, где краска была содрана, образуя небольшой, с ладонь, участок, мелькали обеспокоенные лица. Кто-то выглядывал наружу, потом опять исчезал. Внутри явно происходило что-то волнительное. Эссиорху даже показалось, что там мелькнули и знакомые ему черепаховые очки.

Хранителю Сфер становилось все беспокойнее. Он то начинал ходить, то останавливался и ключом от мотоцикла ковырял кору на тополе. Эссиорх не был первым, додумавшимся до этого. На коре, если приглядеться, можно было разглядеть множество дат и имен.

Родитель четырех невест приложился к зонтику еще раз, и его потянуло на разговоры.

– Вот я люблю своих детей. А любит ли меня кто-нибудь из моих детей? Вот в чем вопрос! – громко спросил он, обращаясь к пространству.

Пространство не отзывалось, и отвечать пришлось Эссиорху:

– А что, никто из детей вас не любит?

– Я не говорю, что не любит. Я спрашиваю: а любят ли? Вот в чем вопрос!

Эссиорх почесал щеку, пытаясь осмыслить разницу.

– Вы кто по профессии? – спросил он.

– А-а, никто! Наполняю, впрочем, стул... – без интереса протянул многодетный, изобразив на лице некую подневольную деятельность.

– А по образованию?

– Философ, – с легкой застенчивостью сказал многодетный.

– Хм... И что такое любовь с философской точки зрения? – спросил Эссиорх.

– О! – охотно отозвался отец четырех дочерей. – С философской точки зрения любовь – это высокая степень эмоционально положительного отношения, помещающего объект в центр жизненных потребностей субъекта и пробуждающая у субъекта ответное чувство того же градуса напряженности и позитивного отклика...

– Красиво!

– Да, красиво. А вот у филологов, к примеру, у тех все сложно. Они никогда до конца не знают, что такое любовь. Все ищут ее, копаются в себе, сомневаются... Пушкина обязательно приплетут... Помню чудное мгновение – не помню? Небо у нее в глазах или море?... Вот юриста хоть ночью разбуди, он тебе оттарабанит, что юридического определения любви не существует. Есть понятие семьи в социологическом и юридическом смысле. Понятный человек!

– А биологи? – спросил Эссиорх, невольно подумав о Мефе.

– Ну, на биологов зоология давит, но все равно они ближе к филологам. Однозначно ближе! – сказал отец четырех дочерей и стал угрюмо ковырять ногтем краску на скамейке. Он опять перестал прощать Эссиорху, что тому повезло с первого раза.

В роддоме наметилась какая-то суета. Хлопнуло окно, трубка кондиционера всплакнула грустной одинокой каплей. В полуподвале открылась служебная дверь, ведущая к лифту. Двое рабочих в черных халатах провезли на железной каталке баллон с кислородом. Ускоряя их созидательный труд, за рабочими крупными шагами шла сердитая медсестра.

Эссиорх и многодетный отец обменялись тревожными взглядами.

– А там у них чего-то того... Началось! Интересно только: у меня или у вас? Вот в чем вопрос! – многодетный уже испил свой зонтик до дна и теперь печально поглаживал его.

Форточка покрашенного окна с треском осыпалась. Раздался раздражающий душу вопль. Из родильного отделения вылетели большие ножницы и глубоко, по самые кольца, вонзились в тополь. Извлечь их человеческими силами было уже никак невозможно.

– Наверное, все-таки у вас! – сказал отец дочерей. В голосе у него впервые появилось сочувствие.

Эссиорх не ответил. Он вскинул голову высоко-высоко, глядя не на дом даже, а куда-то гораздо выше, и беззвучно зашевелил губами. Шептал он долго и так горячо, что не сразу почувствовал, как кто-то коснулся его локтя. Потом все же повернулся. Перед ним стояли те самые черепаховые очки. Правое стекло у них было треснутым.

– У вас сын! Шесть триста! – сказали очки, с торжеством глядя на Эссиорха сквозь уцелевшее стекло.

Эссиорх послушно полез за бумажником. Последнее время доставать неудачливые деньги в Москве стало совсем просто. Многим они совершенно не шли на пользу.

– Что вы делаете, папочка? Совсем озверели? Шесть триста – это вес младенца, – испугались черепаховые очки.

– Простите... я подумал... А жена как?

– Отдыхает.

– Она в порядке?

– Она – да. Вы сможете увидеть ее завтра, – сказала докторша и, покачиваясь, ушла.

Эссиорх пошел было за докторшей, пытаясь поймать ее за плечо, но она уже скрылась за служебной дверью. Несколько минут он простоял оглушенный, глядя то на стекло, то на небо, а потом повернулся и побрел к мотоциклу.

В тесной арочке у шлагбаума, где помещался двигавший ворота мотор, прятался гнутый человек с пришибленным лицом и держал в руке гвоздику. Когда Эссиорх проходил мимо,

человечек вышагнул из арки и протянул ее Эссиорху. Тот машинально взял цветок. От гвоздики пахло хвоей. Она явно была похищена с одного из кладбищ.

– С рождением сыночка, папенька! Наши поздравления! – прошептал человечек и исчез прежде, чем Эссиорх успел снести ему голову ударом кулака.

Глава 2

Планы на следующую среду

*Счастлив тот, кто сшил себе
В Гамбурге штанишки,
Благодарен он судьбе
За свои делишки.*

Н.В. Гоголь. Цит. по: «Исторический вестник», 1893 г.

В углу валялась огромная куча бумаг. Багров взял верхнюю и осторожно понюхал. Лист пах серой, но не сильно, а так, как пахнут использованные пистоны.

*«Старшему менажеру некроотдела
Мамзелькиной А.П.*

Сим вам предписывается прибыть по адресу... для совершения известных действий не позднее 16 часов сего дня. Просьба не оставлять тела без присмотра, пока эйдос, принадлежащий мракку по договору аренды №... не будет изъят посланным стражем».

Багров поднял одну бумажку, другую, третью. Такие же бланки, однотипно заполненные круглым писарским почерком. Отличались только имена, адреса и подписи канцеляристов. Пока он разглядывал бумажки, с потолка спорхнула еще одна и аккуратно опустилась на груды.

– Зачем она их тебе присылает? Они же все на ее имя! – спросил Багров.

– Я у нее в подчинении, – сквозь зубы сказала Ирка. – Кино про войну смотрел? «Приказ генералу Петрову атаковать врага!» Думаешь, кто будет атаковать? Генерал Петров?

Багров взглянул на дату на последней упавшей бумажке:

– Она вчерашняя. То есть она уже... э-э... сделала все сама. Отработала заказ.

– Ясно, что отработала. А ты переверни бланк! – посоветовала Ирка.

Она сидела на полу и, играя со щенком, разглядывала шрам у него на груди. Щенок любил, когда она проводила пальцем по его шраму. Не любил только, когда трогала седое пятно. Но Ирка и не трогала. Знала эту особенность.

Багров перевернул бланк. По центру листа бежали маленькие кривые буковки. Казалось, их нацарапал пьяный.

«Сматаясь в Афреку на вайну. Никак неуспеваю. Мамзя», – прочитал Багров.

– Почему она пишет так безграмотно? – кривясь, спросила Ирка. – Она же на любом языке может! И на латыни, и по-гречески! Она даже с Гомером виделась!

– Ну это да. Один раз точно виделась! – согласился Матвей.

Ирка поморщилась. Циничных шуток она не любила.

– Я не об этом! Зачем придуриваться, зачем делать ошибки? Она же умнейшая женщина!

– Мамзя! Мамзя она! – передразнил Багров.

С потолка на колени Матвеем упала муха, дрыгнула лапкой и затихла.

– Надо же! – сказал Багров, поднимая ее за крылышко. – Муха прожила длинную интересную жизнь, а сейчас ей отчего-то вздумалось умереть. Не иначе как Мамзя наложила на нее свою косу!

– Осторожно! Мамзей ее могут называть только очень близкие люди, – серьезно предупредила Ирка.

– Такие, как ты? Еще бы: заместительница самой Мамзелькиной!

– Я не буду ничьей заместительницей! Пусть ищет себе другого «младшего менагера»! – сказала Ирка. В ее голосе было столько терпения, что Матвей почувствовал: она едва сдерживается.

– Нашла уже! Ты использовала свою косу раз пять!

– Три раза. И всякий раз это было животное, которое очень страдало!

– Палач страдающих зверушек! Милая социальная работа! – заявил Багров. – Мамзелькина тебя прикармливает. Понимаешь, да? Специально не спешит обрывать жизнь этих зверушек, потому что за животных ей не так влетает! А однажды, когда ты набьешь на страдальцах руку, она подбросит тебе человека. Тоже для начала страдающего и просящего прервать его мучения.

– Уйди! Пожалуйста... – Ирка попросила это шепотом, так тихо, что Матвей даже не сразу расслышал.

– Что? Куда уйти? – переспросил он удивленно.

– Куда хочешь... хоть на час... мне тяжело, а ты меня добиваешь... Я тебя люблю, но дай мне совсем немного от тебя отдохнуть... – повторила Ирка.

На Багрова она не смотрела. Только на щенка. Казалось, она просит уйти его. Но щенок остался, а Матвей встал, резко повернулся и вышел. Из Приюта валькирий, куда они все-таки перебрались, он выскользнул по канату, привычно качнув его и разжав руки, чтобы приземлиться на кучу листьев.

Минут сорок он бестолково шатался по «Сокольникам», злясь на Ирку. Навстречу ему бежали девушки с наушниками, содержащие в глазах надежду и поиск. Ответственно вышагивали ежедневные километры целеустремленные старушки. Все уже нашедшие в жизни мамы везли коляски, а дамы в розовом вели на прогулку собачек.

Собачки, сдавленные поводками, припадочно кашляли на Багрова, он же, не отказывая себе в удовольствии, изредка был волком – причем так кратко и едва уловимо, что люди не успевали понять, что это волк, зато собаки понимали это прекрасно и захлебывались от негодования.

Но это так – мелкая шалость. Багрову было скверно, так скверно, что он сам себя не узнавал. Когда Ирка была прикована к коляске, он вел себя намного благороднее и вообще был внутренне лучше, а теперь как-то провис. Получалось нелогично. То ты с железной волей несешься куда-то, недоедаешь, недосыпаешь, тебе плохо, но одновременно хорошо, потому что внутри тебя что-то кипит и происходит, а потом все разрешается, внешне все отлично, но в душе ощущаешь, как уткнулся лбом в глухую холодную стену и в сердце все рушится и умирает.

Матвей нашел под облетевшим деревом пустую скамейку и с размаху сел на нее. По плечу, распоров майку, скользнуло что-то холодное. Багров повернулся и увидел: из спинки скамейки торчит длинный ржавый гвоздь, вылезший, когда кто-то выбил одну из досок. Бросься Матвей на скамейку немного левее, этот гвоздь сидел бы сейчас у него в позвоночнике или в лопатке.

Повезло! Только повезло ли?

Матвей усмехнулся и взглянул на серебряный браслет, поблескивающий у него на запястье. Хорошо иметь браслет счастья, он день и ночь заботится о тебе! Вот только когда-нибудь миновавшие его беды набросятся все разом. Матвей вспомнил, как умирала торговка артефактами, которая по ошибке, плохо зная его свойства, сняла с себя этот браслет и продала его. Она не прожила и пяти минут, и эти пять минут не были лучшими в ее жизни.

Багров неуютно поежился. Последнее время мелких невезений (ну вроде порванной майки и оцарапанного плеча) становилось все больше. Это означало, что браслет переполнился. Слишком много всего ему удалось отвести. Еще чуть-чуть – и незримую плотину прорвет. Маятник откачается, и Багрова завалит всем отсроченным злом, которое он когда-либо

совершил. Нет, он не грабил, не грузил вилами детей в грузовик, но слишком много было на его совести циничных мыслей, мелких отступлений, эгоизма, лени, каждодневных побряжек себе, всего того, что человек не хочет замечать за собой, день за днем испытывая чье-то терпение и точно говоря кому-то невидимому: «Да ладно тебе, я же хороший. А это все мелочовка! Формальность. Для тех, кто глупее меня, для тех, кому меньше дано... Авось как-нибудь обойдется. У меня-то с тобой особые счета, не такие, как у прочих».

Человек всегда чувствует, когда душа у него заполнена мраком. Он не может этого не ощущать. Это тяжесть мертвенная и гнетущая. И эта тяжесть лежала теперь на сердце у Багрова.

«Дафна, Ирка, даже Буслаев делают то, чего требует от них свет. А ты делаешь что хочешь. Оттого тебе так и плохо! Когда делаешь что-то для себя, получается вообще ни для кого!» – произнес чей-то голос, отвечая Матвею на вопрос, которого он так и не задал.

Сидеть было неудобно. В кармане что-то мешалось. Привстав, Матвей достал маленький ящичек из красного дерева. На мгновение он удивился, откуда он здесь, но после смутно вспомнил, что взял его еще утром, потому что прежнее место показалось ему ненадежным.

Матвей положил ящичек на колени и стал рассматривать деревянных человечков на крышке. Все вырезанные человечки имели подробные лица, на которых ясно отпечатывалось страдание. Еще настораживало, что человечки смыкались руками, крепко держа друг друга.

Внезапно пальцы Багрова, глядящие ящичек, что-то легонько кольнуло, и он вдруг увидел Ирку со всеми ее недостатками. Сутулится, иногда, когда смеется, повизгивает, широкие неблагородные ногти, передний зуб с трещиной. Проклятие! Это же все перечислял Джаф! Получается, что либо он, Багров, смотрит на Ирку глазами Джафа, либо недостатки эти так очевидны, что сразу бросаются в глаза!

Багров хотел убрать руку, но не успел. Пальцы его опять кольнуло. Хм... В характере Ирки, если вдуматься, тоже куча тараканов: упрямство, легкое интеллектуальное высокомерие, коварное уклонение от хозяйственных забот (всякий раз, когда надо было мыть посуду, у нее либо разыгрывалась нежность, либо приходило творческое вдохновение) – а ведь она как бы свет! Позиционирует себя, типа того! Обычно Матвей не замечал этих мелочей, их для него не существовало, но все равно они накапливались где-то внутри, в особой копилочке, о существовании которой он едва подозревал.

Матвей приоткрыл ящичек и осторожно понюхал: пахло чем-то сладковатым, дразнящим. Чем дольше Багров держал ящичек в руках, поглаживая его кончиками пальцев, тем сильнее ему хотелось что-то изменить в Ирке. Чего мы, в конце концов, сидим, как тараканы за пыльной батареей? Боимся совершать поступки? Ошибаться? Что-то менять в себе?

«Ирку я любил даже на коляске. Что мне теперь этот желтоватый зуб? Мелочь! Можно подумать, его раньше не было или я его не замечал! Еще как замечал – и прощал его ей... Стоп! Как это – прощал? Лучше в этом направлении дальше не думать, а то невесть до чего додумаешься...» – спохватился Багров и, сердито посмотрев на ящичек, прикрыл крышку, продолжая придерживать ее пальцем.

Человечки все так же цепко держали друг друга. Казалось, ими владеют два противоречивых желания: вырваться и ни за что не отпустить соседа. И второе желание перевешивает первое. Багров поднес шкатулку ко лбу и на миг закрыл глаза, проверяя характер ее магии. Артефакт-то, конечно, мрака, но магия вполне нейтральная. Ничего особенно злобного. Честный рабочий инструмент для всевозможных мелких замен.

Матвей успокоился. В элементарной магии он разбирался неплохо. Может, тут и не без подвоха, но монстр из этого ящичка точно не вылезет. Да и потом – разве любовь не в том, чтобы делать кого-то лучше?

«Вначале эксперимент! – подумал Багров. – Ничего серьезно менять не будем! Просто парочка незначительных поступков, которые ни на что не повлияют. Пусть Ирка позвонит мне

и скажет: м-м... хрю-хрю, милый, я твой поросенок! – или нет, какой она поросенок? Скелетик!»

Шкатулка едва приметно дрогнула у него в руке, а еще спустя секунду в кармане у Багрова завибрировал телефон. Он поспешно посмотрел на экран и поднес трубку к уху.

– Хрю-хрю, милый, я скелетик твоего поросенка!.. – услышал он Иркин голос. Матвей обрадовался, но тотчас, не успев как следует восторжествовать, услышал вторую фразу: – Лучше будь мне врагом, но относись ко мне с уважением, чем будь мне фальшивым другом!

Прежде чем Багров успел хотя бы ответно пискнуть в динамик, трубка замолчала. Он долго сидел, тупо глядя на свой телефон. Потом понял, что первую часть фразы Ирка сказала под влиянием ящичка, а вторую – уже от себя. Видимо, она все еще продолжала кипеть.

«Ничего! – сказал себе Матвей. – Главное – ящичек работает! Возьму что-нибудь неважное, пускай не сразу зуб, пускай крошечную красную родинку на шее, и мысленно опущу ее внутрь. Родинка – это незначительно. Мраку не за что будет уцепиться!»

Подумав об этом, он хотел заглянуть в шкатулку, но не успел. Крышка ящичка захлопнулась так резко, что он едва успел выдернуть палец. Матвей чуть поколебался, правильно ли делает, и открыл ящичек. Ничего. Такой же пустой, как был прежде. Никаких родинок.

«Ну да, – успокоил себя Матвей. – А я что ожидал увидеть? Он вообще не так работает... А если бы я ноги загадал или руки – они бы что, по углам валялись?»

Он встал и быстро пошел к Ирке. Ему не терпелось взглянуть на ее шею – не ради родинки даже, а ради внутреннего успокоения, что он не совершил никакой глупости. На новом асфальте во множестве мелких лужиц блестело небо. Матвея это слегка напрягало: казалось, ты идешь по воздуху, раз небо и под тобой, и над тобой.

Кто-то окликнул его. Разбрызгивая лужицы, к Багрову бежала валькирия Даша. На лице у нее было такое счастье – она видит Матвея! – что он даже смутился, потому что сам такой радости не испытывал. То есть он, конечно, тоже рад был видеть Дашу, но совсем не в том градусе, чтобы носиться по лужам.

Он остановился, дожидаясь ее. Даша подбежала и стала возбужденно показывать, чему недавно научилась. Копье то вспыхивало в ее руках, то исчезало, появляясь всего на мгновение и скользя справа и слева от тела Багрова. Движения были так быстры и непредсказуемы, что Матвей понимал: он не уклонился бы от восьми выпадов из десяти. Копье валькирии-одиночки было стремительнее солнечного зайчика.

Все же сознаваться, что Даша постепенно перерастает его, если уже не переросла, самолюбивому ученику волхва не хотелось.

– Стоечку держим! Спинка выпрямлена, ручки порхают! А вообще неплохо. Умница! Мелкие успехи определенно есть, – сказал он снисходительно.

Даша просияла. Багров взял ее под локоть и, ускоряя шаг, потянул по аллее. При ходьбе у людей нет времени вглядываться в лица друг друга и взвешивать, кто кому насколько рад. Хотя Даша была, конечно, душой щедрой и не считалась, что вот я одарила кого-то вниманием на десять копеек, а получила взамен на три копейки с половиной. Караул! Держите меня восемь человек!

Багров знал, что Даша немного увлечена им. Ему было неловко, неудобно, но одновременно он почему-то делал все для того, чтобы ей не разонравиться. Невольно приосанивался, напрягал мышцы, голос становился чуть небрежным и уставшим.

Аллея расступилась, выводя к большому песчаному кругу, где вокруг клумбы стояли скамейки. Место было популярное. В солнечные дни здесь всегда собиралось не меньше двух-трех десятков гуляющих.

Внезапно Багров отступил с аллеи и затащил Дашу за дерево:

– Тихо! Спрячься! Того мужика видишь?

– Ну, мужик... – отозвалась Даша.

– Плохо смотришь! Ты валькирия-одиночка или так себе?

– Я так себе одиночка, – уклончиво ответила Даша, но все же всмотрелась и обнаружила то, что давно уже заметил Матвей.

Возле гуляющих дам вертелся суккуб редкой модели в модном клетчатом пиджаке, маскирующийся под психотерапевта-тире-астролога-тире-кого-то-там. Милая бородка, розовые щечки, очки в тонкой оправе. От человека его отличал лишь длинный – метровый язык. Но язык, укрытый за зубами и тщательно смотанный в рулончик, требовалось еще разглядеть. Обычно же к суккубу особенно не приглядывались, потому что всех отвлекала крошечная тонконогая собачка с огромными ушами, которую он таскал с собой на поводке-рулетке.

Все воспринимали это существо как милейшую собачонку, и только Матвей, умевший переключаться на истинное зрение, знал, что это страшная тварь из глубин Тартара. Интересно, известно ли девице с короткими рыжими волосами, которая, встав на колени, трется сейчас своим носом о нос собачки, что перед ней покрытый слизью монстр, во рту которого, как спирали, постоянно вращаются зубы, а дыхание одурманивает жертву, как запах эфира?

Отдай суккуб сейчас своей «собачонке» мысленную команду – от девицы останутся только подошвы от ботинок, да и то едва ли, потому что даже подошвы имеют для твари из Тартара определенную пищевую ценность.

Охотился клетчато-пиджачный суккуб всегда одинаково, по давно освоенной схеме. Зачем придумывать новую, когда старая приносит результаты? Схема же была такая: вначале подсунуть свою ласковую собачку «на погладить» и, когда одурманенная ее дыханием жертва начнет глупо хихикать, произнести две туманные фразы: «Зачем вам идеи, когда у вас уже есть мысли?» и «Зачем вам знания, когда у вас есть информация?»

После этих фраз жертва обычно пугливо замирала, слабо улыбаясь и соображая, что бы это значило. Суккуб пользовался моментом и начинал быстро-быстро говорить. Тарахтел он так резво, с такой харизмой выплевывая абсолютно правильные вещи, что добыча переставала фильтровать информацию и лишь глупо хлопала ресницами, выражая немой восторг.

Есть такое тартарианское понятие «подмес». Суть подмеса состоит в том, чтобы говорить человеку вещи, с которыми он заведомо будет согласен. Допустим, «небо голубое», «трава зеленая», «надо чаще улыбаться», «дружба – великая вещь!», «дети – цветы жизни». Человек млеет от этого единства оценок, совпадающих с его собственными, постепенно теряя бдительность, а когда он начинает верить безоговорочно, не фильтруя мозгом, ему говорят: «Убей маму кирпичом!» или «Отдай мне свой эйдос!»

Разумеется, мамы и кирпичи данного суккуба с собачкой интересовали мало, а вот эйдосы – очень даже. Заканчивалось все тем, что человек произносил слова отречения и липкий язык, выстреливая, как язык лягушки, выхватывал из человеческой груди бесценную песчинку.

Однако сейчас песчинки суккуб так и не получил. Еще до того, как рыженькая успела отречься от эйдоса, просвистевшее копьё пригвоздило ее собеседника к дереву. Девица завизжала, но визг ее замолк, оборвавшись. Перед ней ничего не было, кроме груды пахнущих духами тряпок. Крошечная собачка прерывисто завывала, подпрыгнула и провалилась под землю, оставив в центре клумбы здоровенную дымящуюся воронку.

Багров с облегчением вытер пот со лба. Он опасался, что чудовище ринется на них, но, видимо, монстр не сообразил, откуда прилетело копьё, и поспешил скрыться.

– Ну вот! Как-то так! – сказала Даша рассеянно. В руке у нее погасало вернувшееся копьё.

– А ты не боялась? – спросил Багров.

– Кого? Суккуба?

Матвей понял, что «собачки» она по рассеянности даже и не заметила.

– Ты чудо! – сказал он.

Багров вкладывал в эти слова совсем другой смысл, но Даша отчего-то покраснела.

– Что это у тебя тут? Кости? – торопливо спросила она, кивнув на ящичек.

– Почему сразу кости? – напрягся Матвей.

– Я копьём рядом с ним работала, и наконечник становился синеватым. Когда с мертвяками сражаешься, он тоже всегда такой.

– А ты и с мертвяками сражалась?

– Совсем мало. Почти нет. Ну, может, раз несколько, – застенчиво пробормотала Даша. – Так почему наконечник синий?

– Это из-за моей некромагии. – Багров несколько напрягся, потому что знал, что соврал.

Даша счастливо засмеялась, безоговорочно ему поверив. В присутствии Матвея она всегда то смеялась, то смущалась, но если это и была любовь, то совсем не такая, какую только и могут вообразить себе кинорежиссеры. Даша была зависимая, впечатлительная душа, прилежавшая к Матвею погреться и не подозревавшая, что он сам давно о нее греется.

«Может, такой мой удел – быть любимым всеми валькириями-одиночками?» – задумывался иногда Багров, но понимал, что, в общем, это бред. Когда-то он с удовольствием ее тренировал, учил всему, вкладывал в Дашу много беспокойства и сил – и теперь они откликнулись в ней и проросли.

Худая, смешная Даша была для Багрова парадоксом. В школе она всегда сидела на одной из задних парт и до четвертого класса стеснялась отпроситься на уроке в туалет. Когда ее вызывали, она мялась у доски, ладони у нее потели, и от страха она забывала все, что легко решала в тетради. Одноклассники травили ее по тому неосознанному животному инстинкту, который заставляет африканских антилоп-гну забивать своих слабых, раненых, даже просто ушибивших ногу или получивших царапину товарок. У Даши же со школьной точки зрения недостатков было вагон: робость, затравленность да еще и кожная болезнь. Прыщи ее были не заразные, но одноклассницы в раздевалке шваброй отбрасывали полотенца или майки, к которым она случайно прикоснулась.

И вот теперь Даша стала валькирией-одиночкой! Внешне она изменилась не так уж и сильно – разве что прыщи прошли и появились навыки обращения с копьём. В остальном же она была все так же слаба, зависима в оценках, внушаема, но одновременно – и тут мы входим в зону необъяснимого! – очень сильна.

Что-то такое таилось в ней, что сильный, уверенный Матвей временами ощущал себя внутренне много слабее Даши и в изумлении отступал. Это был тот непонятный, нелогичный, непредсказуемый случай, когда железные прутья и стальные канаты рвутся и ломаются, а тонкая травинка вытягивает на себе огромный, совершенно неподъемный груз. Какую-нибудь затопленную баржу с речного дна. Худая, неуверенная в себе, тихо говорящая, Даша была той соломинкой, на которой десять верблюдов способны переплыть море.

– Зайдешь к нам? – спросил Багров.

Даша вначале закивала, а потом сразу же замотала головой:

– Да, зайду! Нет, не могу! Нас собирает Фулона. Там не пойми что творится...

– Что творится?

– Я пока не разобралась. Нас строят всех вместе, где-нибудь за городом, и мы пытаемся сражаться отрядом. Строимся, смыкаем щиты. Линейное построение, четырехугольное, потом подковой. Вылет легких копий, средняя дистанция – средние копыя, тяжелые – вблизи. Валькирии легких копий не должны мешать валькириям средних и тяжелых. Бросил, перебежал, прикрылся... и все заново! Только все равно как-то не складывается!

– Что не складывается?

– Вообще все. Мы как шахматы без половины фигур. Даже усеченного строя не получается. Сэнра, сам знаешь, изменила. Филомены нет, копыя ее тоже. А ведь валькирий должно быть двенадцать! Одиночка вообще не в счет! Если они меня взяли, значит, у них совсем все плохо!

Багров кивнул. Если одиночку берут в строй – это даже не финал. Это сразу финиш.

– Эх! Легкие копы, средние копы, щиты! Каменный век! Я же рисовал им схему, как нужно сражаться. Динамично, мобильно, современно! – сказал Матвей.

Даша смущенно опустила глаза:

– Да, я видела твою схему.

– Что, понравилась? Пользуется Фулона? – восторжествовал Багров.

– Может быть. Я не знаю. Она у нее в уборной висит, – уклончиво ответила Даша.

Она ободряюще коснулась руки окаменевшего Матвея, плеснула на него тихой радостью, засмеялась, прозвенев колокольчиком, и исчезла, как мгновенно исчезает солнечный луч.

Багров некоторое время постоял, собираясь с мыслями, и пошел к Ирке. Неожиданно за его спиной послышалось негромкое урчание мотора. Матвей отодвинулся, пропуская, но обгонять его не стали, а снизили скорость и потащились следом. Считая, что и так уже достаточно уступил дорогу, Матвей упрямо продолжал идти, но ощущать у себя за лопатками нечто, сдерживающее механическую мощь, было неудобно. Он остановился и с досадой обернулся. За ним ехал скутер с Аликом за рулем. Чтобы не сбить Матвея, оруженосцу Радулги пришлось вильнуть в сторону.

– Надо было подать знак остановки! – заявил он, сердито алея пуговичным носиком.

– Что, спиной помигать? У пешехода нет знака остановки, – возразил Матвей.

– Ты мог бы поднять руку над головой!

– Ага. И бросить гранату!

Багров был доволен своим ответом, но лишь до момента, пока из-за спины у Алика не показалась валькирия ужасающего копы. Радулга была раздражена, но особенным раздражением, сосредоточенным в себе и внешне не особенно заметным. Казалось, внутри у нее что-то тлеет. Разговаривала она с Матвеем непривычно тихо и смотрела себе под ноги, точно боялась вспылить и разорвать его в клочья.

– Где твоя хозяйка? Дома она?

Багров хотел ляпнуть, что Ирка ему не хозяйка, однако вовремя сообразил, что Радулгу его мнение не волнует. Чувство такта у нее давно вытеснилось мускульным утолщением воли.

– Нет, – соврал он торопливо, зная, что Ирку от встречи с Радулгой не ждет ничего хорошего.

– И где она?

– Покупает.

– Что покупает?

– Ручки, – ляпнул Макар, потому что первым, что попало ему на глаза, была ладонь Алика.

– Чего? Какие еще ручки? – нахмурилась Радулга.

– Дверные. Одну с врезанным замком, другую без, – сказал Матвей.

Случайно рожденный бред обрастал подробностями.

– Ну действительно. Только ручки дверные покупать. Докатилась, – пробормотала Радулга.

– А что такое? Конституция этого не запрещает! – Багров уже настолько поверил, что Ирка покупает ручки, что негодовал абсолютно искренне.

– Твоя хозяйка не передала копы Брунгильде! До сих пор! – сказала Радулга. То, что тлело у нее внутри, перекинулось в голос, и он опасно заалел с краев.

– Да-да... она передаст! Она собиралась! – поспешно сказал Матвей, знавший, что это невозможно. Ирка открылась ему несколько дней назад. Рассказала абсолютно все.

Голос Радулги уже пылал, как хворост. Самое страшное, что она его так и не повысила. Лучше бы кричала.

– В последние годы мы потеряли слишком много валькирий. Валькирии гибли всегда, но я говорю о невозвратных потерях. И вот теперь мы лишились Таамаг! Ее каменное копье – ключевая фигура нашего боевого построения!

– Да вернем мы копье... Брунгильда еще не готова... И зачем обязательно строим? За комиссионерами можно и россыпью охотиться, – буркнул Багров и сразу пожалел, что открыл рот.

«Вернем» и «вернем Брунгильде» – это, если вдуматься, совершенно разные вещи. Матвей почти проговорился. К счастью, и Алик, и Радулга умели слышать только себя.

Держа скутер на тормозе, Алик повернул ручку газа. Двигатель нетерпеливо взревел.

– При чем здесь комиссионеры? Валькириям брошен вызов! Врагов будет двенадцать, а валькирий намного меньше, даже если считать новую одиночку! Да их же перебьют всех до единой! Мы понятия не имеем, как вывернуться! – крикнул он тонким голоском, которым ругаются вежливые и одновременно занудливые люди.

– Вызов? – жадно переспросил Багров. – Кто его бросил? А если отказаться?

– Раньше надо было. Отказаться уже...

Радулга громко кашлянула, и спохватившийся Алик пугливо замолчал.

– Нечего ему знать... Поехали! – хмуро приказала валькирия ужасающего копья. – А ты, оруженосец, передай своей хозяйке, что копье должно быть у Брунгильды! Ее пора тренировать!

Скутер унесся, оставив Багрова чихать в бензиновом облаке. Матвей вернулся в Приют валькирий. Пока он ходил, настроение у Ирки успело улучшиться. Она висела на турнике, зацепившись за перекладину согнутыми в коленях ногами, и что-то бормотала в диктофон своего телефона. Ирка всегда так делала, когда ей не хотелось включать ноут, но она опасалась потерять какую-то пришедшую ей мысль.

– Ты замечал, что приставка «не» иногда пожирает слова? – крикнула она Багрову. – Так прирастет, что отодрать нельзя! Вот смотри: ненависть, негодование... А теперь убираем приставку: «нависть», «годование»! Есть такие слова? Значит, сожрала!

Матвей попытался рассмотреть Иркину шею, но сделать это, пока она болталась головой вниз с покрасевшим от прилившей крови лицом, было нереально. Наконец Ирка раскачалась и прыгнула с турника.

– Ну? Чего с тобой такое? Ты какой-то озабоченно-секретный! – сказала она и, поднявшись на цыпочки, поцеловала Матвея в глаза. Почему-то она очень любила его глаза, хотя Мефодий, например, считал их жуликоватыми. Но что ученик Арея понимал в мужских глазах? Разве то, что глаза некромагов не выкальваются вилкой!

– Я встретил Радулгу. У них какие-то неприятности. Они...

Ирка, не слушая его, смотрела куда-то вверх. В ее глазах бился страх. Желая защитить ее, Матвей шагнул к ней, повернулся и... поймал пикирующий с потолка лист.

– Опять от Мамзелькиной? – тревожно спросила Ирка.

– Не читай! Ну ее! Брось!

– Нет, дай сюда!

Забрав у Багрова скомканную страницу, Ирка расправила ее.

– Странно, никаких приписок с обратной стороны! – пробормотала она и дальше читала уже не отрываясь. Матвей увидел, как напряглись и одеревенели ее плечи, как она сделала маленький шагжок вперед, как, не веря себе, потрясла головой.

– Что с тобой? – спросил он.

Ирка судорожно втянула в себя воздух и слепо шагнула куда-то сквозь него. Матвей отобрал у нее лист, в досаде хотел порвать, но Ирка с птичьим криком удержала его руку:

– Нет! Прочитай сам! Пожалуйста!

– «Младшему менажеру некроотдела Ирине...» Ого! «Сим вам предписывается... для совершения известных действий не позднее утра среды следующей недели. Просьба не оставлять тела без присмотра до прибытия стражей и выяснения дальнейшей судьбы эйдоса. Имя: Арбузова А. Адрес: Северный бульвар, дом... корпус... квартира...» Надо же! Адрес похож на твой! Это кто, соседка?

– Это Бабаня, – сказала Ирка. Она вся израсходовалась в недавнем крике. Глаза у нее были стеклянные, а голос пустой.

– Не, не нервничай! Разве Бабаня Арбузова?

– Ее девичья фамилия! Посмотри дату!

Матвей послушался. Он чувствовал, что с Иркой сейчас лучше не спорить.

– Сегодняшняя?

– Да.

– Значит, среда – через пять дней, так? Они дают мне пять дней, а потом требуют, чтобы я забрала Бабаню!

Багров осторожно взял ее за руку:

– Постой! Не принимай всерьез! Это шутка! Они не могут убить Бабаню! Не мрак решает, кто умрет!

Ирка не слушала. Она уже сорвалась и куда-то летела. Багров догнал ее только у микроавтобуса. Ирка слишком волновалась, чтобы телепортировать, и, к счастью, понимала это.

– Взял ключи? Так что стоим? Поехали!

Бабаню они застали дома. Она сидела на кухне за столом и большими ножницами вырезала фигурные лоскуты из разноцветной ткани. На Ирку она посмотрела с легким испугом, потом вспорхнула и засуетилась у плиты:

– Что же ты не позвонила? Картошку пожарить?

– Как ты себя чувствуешь? – резко спросила Ирка.

– Нормально! Что за вопрос? – продолжая хлопотать, отозвалась Бабаня.

Голос у нее звучал естественно, но к Ирке она почему-то стояла спиной. Ирка взяла ее за плечи и развернула к себе.

– Как ты себя чувствуешь? – повторила она настойчиво.

Бабаня уткнулась Ирке в плечо:

– Ты уже знаешь? Марья Фридриховна проболталась?.. Да ничего страшного! Операция еще только во вторник!

– Какая операция?

– А разве Марья... не сказала?

– Фридриховна сказала больше, чем ты думаешь! Поэтому говори сама! Каждый отвечает за себя, в своем секторе ответственности! – сказала Ирка голосом, которым Фулона допрашивала комиссионеров.

Бабаня прижалась к ней еще теснее, пряча лицо:

– Сердечный клапан. Что-то мой будильничек поизносился. Но мне вставят новый ключик, и мы поедем дальше.

– Почему ты со мной не посоветовалась?

– Ну ты стала бы волноваться и... не знаю – не сказала, и все!

В голосе Бабани появилась вдруг совсем Иркина упрямая интонация, и Багров понял, откуда она взялась у самой Ирки.

– Ты НЕ ЛОЖИШЬСЯ на операцию! – сказала Ирка.

– Здрасте-подвинься! Я уже и квоту выбила, и деньги кому надо заплатила! И потом, я, знаешь ли, не потому под нож лезу, что мне это сильно нравится.

Ирка с Багровым просидели у Бабани еще два часа, но разговор не клеился. Не зная, чем себя занять, Матвей крошил хлеб, лепил из хлеба человечков и съедал их по кускам, отрывая

руки и ноги. Бабаня выскакивала в коридор, на балкон, в другую комнату, спасалась от Ирки даже в ванной и специально, чтобы ее не слышать, включала воду, но Ирка преследовала ее, как оса, и кричала в щель:

– Не будешь ты ничего делать! Не будешь!

– Слушай! Ты ее сейчас переволнуешь, и она там так и останется! – шепнул Ирке Багров.

– Где останется?

– Ну в ванной. Сердце все-таки.

Ирка приутихла, и некоторое время спустя Бабаня осторожно выглянула из ванной.

– Взрослая внучка – это внучка, которая кричит громче тебя! Учитывая, что воспитала тебя я, получается, что я ору сама на себя! – сказала она жалобно, явно пытаясь наладить отношения.

Ирка молчала, строго барабаня пальцами по полировке.

– Да пойми же ты, что я так не могу! Всегда как на самолете летала, а сейчас на второй этаж, как старуха, поднимаюсь. Ступенька, еще ступенька... Хоть ты тресни – сделаю операцию, и все!

Ирка по-прежнему ничего не отвечала. Сидевший сбоку от нее Багров сумел наконец разглядеть ее шею. Маленькая красная родинка исчезла.

Глава 3

Комплекс полноценности

Всякому остановленному фашисту для захвата его в плен можешь еще крикнуть:

«Хэндэ хох!» (Руки вверх!)

«Вафи хинлеги!» (Бросай оружие!)

«Абгезэсен!» (Слезай! – С машины, с лошади, с повозки.)

Если фашист не сразу исполняет твое приказание, крикни громче и добавь:

«Бай флуктфэрзук вирт гэшоци!» (Побежишь – буду стрелять!)

А. Афанасьев. В помощь партизану. Москва, 1942 г.

Девушка возникла в жизни Петруччо внезапно. Он пришел в отдел сборки родного гипермаркета ругаться, что движущиеся полки поставили без колесиков и они ездят больше по нервам, чем по полу. И тут он увидел ее. Единственная и неповторимая, изготовленная судьбой исключительно в виде тестовой модели, она стояла на стремянке с дрелью в руке и пила сок из пакета, который только что на глазах у Чимоданова просверлила этой самой дрелью. На ее бежевом брезентовом жилете помещался целый арсенал: молоток, скотч и пистолет, стреляющий железными скрепками.

Чимоданов взглянул на нее и почувствовал, что в сердце ему вонзился гвоздь.

– Брось мне сок, женщина! – велел он.

Девушка насмешливо взглянула на Чимоданова и выполнила просьбу буквально: сбросила со стремянки сок, заливший его с ног до головы.

– Женщина, ты ослепла?! Я хотел пить, а не мыться! – взвыл Петруччо.

– Учю бесплатно! Пить – это так: наливаешь и глотаешь. При этом не забываешь дышать! – Девушка спрыгнула со стремянки и оказалась рядом с Чимодановым.

Маленькая, ниже его ростом, но решительно-задорная. Лицо круглое, глаза круглые, волосы темные и жесткие, нос похож на кнопку звонка. Коня на скаку останавливать не будет, но скотчем обмотает и упакует наилучшим образом. На груди у девушки – обычный магазинный бейджик салатного цвета с надписью «Вам помогает ОЛЬГА». Буква «О» несколько исправлена маркером – имеет уши, рот и глазки.

Сердце Чимоданова незримо задумалось, по кабелю связалось с мозгом, сверило ощущения и лопнуло от любви.

Дафна и Мефодий встретились с Чимодановым и его девушкой в Парке культуры. Там было столько страдающего спортом народа, что нельзя было плюнуть, не попав в велосипедиста или в роллера. Любящий бессмысленные эксперименты Петруччо доказал это целых два раза, пока его не успокоили.

Успокаивался Чимоданов плохо. Великая любовь не сделала его идеальным. Он остался таким же бабуином. Со своей девушкой Олей он поссорился четыре раза за пятнадцать минут, потому что Оля была такая же – танк, увешанный цветами: если он хотел идти направо – она шла прямо. В ответ, когда она просила Петруччо купить колу, он назло ей покупал кукурузу, после чего начинались громкие разборки в итальянском духе, от которых роллеры и велосипедисты сыпались в травку, как перхоть.

– Слушай, тупой вопрос! Почему ты выбрал именно ее? – шепотом спросил Меф, когда в какой-то момент они с Чимодановым оказались в стороне от своих спутниц.

– Подчеркиваю! Она мне подходит! Она вредная, но настоящая! А особенности характера – это мелочи, со временем я ее смирю! Ну или она меня – да только меня голыми руками не возьмешь! – заявил Чимоданов.

– Не понимаю.

– А чего тут понимать? Быка лучше брать за рога! Надо подходить к девушке и говорить: «Женщина, идем в мою пещеру! Я буду охотиться на мамонтов, а ты будешь готовить мне мясо и родишь мне десять сыновей». И она пойдет за тобой, если она твоя.

– А если не пойдет?

– Ну тогда это не твоя, а чужая какая-то, совсем не нужная тебе особа! Тогда лучше, если она сразу исчезнет с горизонта, без размазывания каши по тарелке.

Оля окликнула их издали, прерывая их разговор, и они вновь пошли бродить. Вскоре Оля захотела пить и потребовала воды с газом. Чимоданов, разумеется, в рамках своей программы по вырабатыванию женского смирения моментально раздобыл ей воду, но без газа.

– Умница! Я как раз о такой и мечтала! – сказала Оля.

Чимоданов застыл с бутылкой в руках:

– Это как это?! Но ты же сказала «с газом»?

– Я знала, что ты сделаешь все наоборот... Потому и сказала «с газом»!

– А ну отдай! Отдай, кому говорят! – завопил Чимоданов и стал выкручивать ей руки.

Оля в ответ пнула его ботинком по ноге и вылила ему на голову полбутылки воды. Петручо выхватил у нее бутылку и вторую половину вылил на голову ей. Оставив счастливую пару наносить друг другу увечья, Мефодий и Дафна переместились к киоску. Через пару минут к ним присоединились Чимоданов и Оля. Чимоданов хромал. Раскрасневшаяся Оля трясла головой, торопясь высушить волосы. Вид у обоих был крайне довольный. Не хватало только мамонта, костра и хотя бы пяти из намеченных десяти сыновей.

– Как хорошо, что я не попросила томатный сок! Теперь бы все думали, что меня зарезали! – заявила Оля.

Через час Дафна с Мефодием не выдержали и слиняли от влюбленной парочки, оставив Петю и Олю у Москвы-реки проверять, взорвется ли баллончик из-под краски, если бросить его в горящую урну. Урна, кстати сказать, загорелась тоже не сама собой.

– Они психи. Через неделю разбегутся, – сказал Меф.

– Ты ничего не понимаешь. Это настоящее, – возразила Дафна.

– Откуда ты знаешь?

– Она на него ругается, злится, а сама с его воротника волоски обирает. То есть обиды обидами, а кашка на завтрак и нос у детей вытерт будет всегда.

– Не хотел бы я попасть в руки их детям, пусть даже они будут и с вытертыми носами, – проворчал Меф.

По набережной Мефодий с Дафной пошли в сторону Воробьевых гор и у моста, на котором Ирка с Багровым когда-то встретили Мамзелькину, сели отдохнуть в уличном кафе. За первым в ряду столиком разговаривали две девушки.

– Никто никогда не угадает мой пароль! Зуб даю! – с пафосом говорила одна.

– Да уж конечно! Слово «подстаканник» русскими буквами в английском регистре! – буркнул Меф достаточно громко.

Девушка оглянулась, дико посмотрела на Буслаева и, не сознавая, что делает, зажала ладонью рот.

– Не волнуйтесь! Зуб мне без надобности! – успокоил ее Мефодий.

Дафна выудила из рюкзака одетого в комбинезон Депресняка.

– Ну и зачем? Смысл какой? – прошептала она.

– Никакого! Поступок есть, а смысла нет! У меня треть поступков такие! – признал Мефодий.

Женщина за стойкой вставила вилку в розетку. Из искусственных цветов посреди кафе потек мужской голос, навеки разболтанный радиийным трепом:

– Это вас заинтересует! Вчера из Московского зоопарка исчез черный гриф. Орнитологи утверждают, что это самая крупная хищная птица в Европе. Питается падалью домашних и диких животных. До сих пор не ясно, улетела ли эта редкая птица сама! В любом случае будьте осторожны и попытайтесь не стать, ха-ха, падалью!..

Дафна поморщилась. Она не любила таких шуточек.

– Интересно, радиоведущие готовят остроты заранее? – спросила она.

– Без понятия. Но знаю, что ведущих подбирают обычно парами: он и она. Если он что-нибудь ляпнет, она ему всегда говорит: «Ой, да перестань!» А потом сама что-нибудь брякнет, а он сразу притворится, будто с ней не согласен, – сказал Мефодий.

Дафна задумалась.

– А на самом деле они согласны? – спросила она.

– На самом деле им плевать.

Депресняк выпутал из комбинезона крылья, взлетел и тут же, под зонтиком летнего кафе, распотрошил голубя. Пришлось немедленно ловить кота и убегать, поскольку посетители начали снимать все на планшеты и мобильники.

Дафна и Мефодий гуляли до вечера, а потом устроились на крыше нового высотного дома, царившего над этой частью Москвы, как утес. Дафна достала флейту, поправила ее и, сосредотачиваясь, подышала на мундштук:

– Я хочу сделать тебе подарок. Но только если у тебя крепкие нервы.

– Хорошее начало, – оценил Меф.

– Продолжение будет еще лучше. Только ничего не бойся! Я выучила это в Эдеме, хотела тебя удивить, – повторила Дафна и выдохнула маголодию.

Мефодий ощутил, что раздувается как шар, одновременно проходя сквозь крышу. От неожиданности Буслаев взмахнул руками и начал куда-то проваливаться. Замелькали этажи, квартиры, лифты, телевизоры, кухни. Какой-то одичавший посудный шкаф боднул его в нос и затрясся всеми своими чашками. Шарахнулась по коридору старушка в халатике. Выпавший у нее чайник окатил Мефа, но почему-то не обжег его.

Внезапно падение прекратилось. Буслаев машинально рванулся куда-то, упал и... вдруг понял, что сидит на Нагатинском мосту. Левая его нога тянулась по набережной до Южной Гавани. Правая нога – по улице Судостроительной до закругления трамвайных путей. Правда, она была полусогнута. Если выпрямить, достала бы и до затона.левой рукой Меф трогал проспект Андропова, а пальцами правой лишь немного не дотягивался до Коломенского парка.

Сквозь Мефодия, не причиняя ему боли, проносились машины. Затормозить никто не пытался. Водителям Буслаев казался чем-то вроде внезапного тумана. Все же многие смутно чувствовали что-то, снижали скорость, зажигали фары, сигналили.

Маголодия продолжала действовать. С каждой секундой Мефодий становился все огромнее и прозрачнее. Его руки проходили уже сквозь дома. Одну узкую девятиэтажку он даже накрыл ладонью, забавляясь новым для себя ощущением.

Внезапно кварталы вздрогнули, словно от грома, – но это был всего лишь чих Дафны, которая шла по Люблинской, и один шаг ее был от улицы Кубанской до Мариупольской и от Мариупольской до Верхних Полей.

– Кажется, мне в нос попало дерево! Я неосторожно попыталась понюхать парк в Коломенском! – крикнула Дафна.

Догоняя ее, Мефодий перешагнул через Москву-реку. Самые высокие дома едва доставали ему до колена. Дафна рукой коснулась его щеки. Это было странное ощущение: прозрачная рука на прозрачной щеке.

– Я не знаю, сколько это продержится! Все же минут десять у нас есть!

- А... – начал Мефодий.
- Не бойся! Все будет хорошо! Бежим!

Дафна прыгнула с места, разом оказавшись на Автозаводской улице, и замешкавшийся Буслаев догнал ее только на Варшавском шоссе. Оттуда они перескочили на Севастопольский проспект. Пробежали по Нахимовскому, по Ломоносовскому и свернули к центру. Держась за руки, они мчались один по проспекту Вернадского, а другая по Ленинскому. На Лужниковском метромосту Буслаев шагнул в реку, потому что проспекты разошлись и он больше не мог держать ладонь Дафны. Но и отпускать не хотел. Дафна засмеялась и тоже прыгнула в реку. Сквозь них текла вода и, сияя огнями, проплывали прогулочные теплоходы.

– Хорошо? – спросила Дафна и поцеловала Мефодия в тот миг, когда внизу обиженным великанским ребенком заревел теплоход. Звук был странным, тягучим и зовуще печальным, словно из океанских глубин вынырнуло, крикнуло и скрылось загадочное древнее чудовище.

На закате Мефодий бродил по крыше, с которой началось их путешествие, и высматривал отражение Дафны в многочисленных солнечных батареях. Дафна и Депресняк летали, носясь друг за другом в небе. В батареях ало плескало солнце. Его на мгновение перегораживал юркий, точно на резиночках дергающийся кот, которого, раскинув ослепительные крылья, догоняла его раскрасневшаяся от азарта хозяйка.

Мефодий смотрел, как она летает, и понимал, что ему тоже до боли хочется того же. Желание было таким сильным, что у него даже лопатки зачесались, а голова сама собой задралась к небу. Буслаев даже подпрыгнул и попытался взмахнуть ладонями, но от крыши не отошел и, смутившись, независимо сунул руки в карманы.

Внезапно Дафна перестала догонять Депресняка и опустилась на крышу рядом с Буслаевым. Лицо у нее было удивленное. Она обошла Мефодия вокруг и зачем-то потрогала его спину пальцем.

- Чего ты? – спросил Меф.
- Я? – растерялась Дафна. – Да нет, ничего.
- Говори уж. Ты знаешь, я не отстану!
- Я тут посмотрела сверху, и мне показалось – глупость какая! – что у тебя были крылья! Сероватые такие, а потом сразу исчезли.

– Это, наверное, твои отразились в солнечных батареях, – предположил Меф.

Дафна, фыркнув, продолжала недоверчиво разглядывать его. Потом снова забежала ему за спину.

– Надо же! Нет ничего!.. – подтвердила она, придирчиво ощупав буслаевские лопатки. – Почувствуй крылья! Разбуди их!

- Я не понимаю!
- Все ты понимаешь! Ощути каждое движение полета! Представь! Ты можешь, я знаю! Ну!

Буслаев нелепо подпрыгнул и, точно курица, пытающаяся перелететь через забор, ударил по воздуху ладонями.

– И это все? – спросила Дафна разочарованно.

– Может, я летаю без крыльев? Может, у меня ракетный старт? – сказал Меф и начал прыгать, звеня мелочью в карманах.

Дафна пробурчала, что он паяц, села на краю крыши, свесила ноги и, достав флейту, начала играть. Мефодий стоял рядом на коленях, чтобы видеть ее вблизи, и жадно напрягал слух. Слушать маголодии было приятно, но труднопередаваемо. Звук то вспыхивал, то совсем исчезал, хотя Дафна продолжала играть, то перерождался в слабый свет, то творил в небе бледные цветы, то вновь становился звуком и эхом отпругивал от стен многоэтажек. Изредка поворачивая голову, Дафна видела, какое впечатление ее игра производит на Мефодия. Его лицо то просветлялось, то темнело. Он шевелил бровями и губами, точно помогая ей играть.

– Ты любишь маголодии, потому что любишь меня? – спросила Дафна, отрывая флейту от губ.

– Ну да. А как еще? – отозвался Меф.

– Нет. Мне кажется, что ты любишь их самих по себе!

– Хочешь сказать, что я тебя не люблю? – не понял Буслаев.

– Нет. Я не о том. К музыке я не ревную. Глупый ты, не понимаешь ничего, – сказала Дафна и продолжала играть.

И снова вспыхивали радуги, грохотал гром, распускались бледные лилии и блики света скользили по крыше. Время исчезло. Меф опомнился, лишь когда солнце, раздробившись, совсем закатилось и выплывшая луна непостижимо побежала в тучах, оставаясь при этом неподвижной.

Из рюкзака Мефодий слышал неясный звук. Он знал, что в рюкзаке только спата, и, удивившись, достал ее. Сомнений не было. Спата отзывалась маголодиям. Звуки, которые она издавала, были едва различимы. Изредка спата освещалась изнутри, но освещалась неровно, отдельными линиями, словно лава блестела в трещинах в земле.

– Видишь? – прошептал Меф.

– Да, – отозвалась Дафна. – Помнишь, ты говорил, что в твою спату вплавлены обломки светлой флейты Диомида?

– Демида Буслаева? Бывшего светлого стража?

– Да.

Дафна больше не играла, и флейта Мефа постепенно погасла. Лишь одна полоска в рукояти долго пылала так, словно была раскаленной, но когда Буслаев со всей возможной осторожностью потрогал ее, рукоять оказалась едва теплой.

Дафна и Мефодий сидели рядом и, соприкасаясь плечами, смотрели на освещенные луной тучи. Одна из туч была похожа на длинный весельный корабль с изогнутым носом и четырехугольным парусом. Казалось, он спешит куда-то. Парус надувало луной и ветром.

– Есть легенда, что за человеком, достойным света, однажды прилетает ладья света. Не за каждым, конечно, но может прилететь. Раз в сто лет или раз в тысячу, но это происходит, – тихо сказала Дафна.

– Серьезно? И что? Забирает его в Эдем? Зеленая травка? Овечки в обнимку с тиграми и все такое? – легкомысленно откликнулся Мефодий, глядя, как нос ладьи медленно перетекает в паруса, сливаясь с ними. Небесный корабль круто отворачивал от них, направляясь к Хорошево-Мневникам и Серебряному Бору.

– Не шути так. Это древняя легенда, – заметила Дафна. – Одно время я даже искала эту ладью в Эдеме. Не стоит ли она где-нибудь пришвартованной? А вдруг?

– И что? Не стоит?

– Я ничего не нашла. Ее нет ни на первом небе, ни на втором. Но существуют еще Прозрачные Сферы, о которых даже хранителям не все известно.

Мефодий задумчиво кивнул, локтем отодвигая от себя Депресняка. Кот обожал незаметно приблизиться, потереться и испортить настроение.

Внезапно Депресняк зашипел и спрятался под блок с солнечными батареями. Спустя мгновение на крышу свалился Корнелий и, размахивая флейтой, стал вызывать Мефодия на дуэль:

– Вставай и дерись, несчастный! На шесть и по хлопку!

– Запросто! Кстати, по тебе белый червяк какой-то ползет, – сказал Меф, зная, что Корнелий очень брезглив.

– Где? Сними его сейчас же! – подпрыгнул Корнелий.

Белый червяк по нему не полз, но связной света все равно отвлекся, стал искать его, переключился мыслями и, начисто забыв про дуэль, мирно уселся рядом с Буслаевым.

– Кстати, я собираюсь принять участие в Запретных Боях! Только Эссиорху – тишш! – ни слова! Этот мелкий завистник будет меня отговаривать! – упомянув об этом, Корнелий быстро взглянул на Дафну, надеясь, что отговаривать его начнет уже она.

Но Дафна смотрела на тучи. Зато Мефодий заинтересовался подробностями.

– Как, ты ничего не знаешь? Запретные Бои проходят раз в десять лет! Место боев держится в секрете, и часто в последний момент его меняют, чтобы невозможно было отследить. А начиналось все как тайные поединки темных стражей между собой. Постепенно начали подтягиваться и некоторые светлые.

– А Троил и Лигул? Они в курсе?

– Еще бы! В этих боях они теряют своих лучших бойцов. Поэтому бои и под запретом. Если поймают, участников и зрителей ждут серьезные неприятности: арест в Нижнем Тартаре для темных и столетнее лишение крыльев для светлых.

– Арей, конечно, бился, – задумчиво сказал Мефодий.

Мундштуком флейты Корнелий поправил очки.

– Ну разумеется! Мы с Ареем были одними из первых. Он и я. Я и он. Стояли у истоков движения. У нас была договоренность, невысказанная такая, на полутонах, что друг друга мы не трогаем... Открою тайну! Я скорее позволил бы себя убить, чем поднял бы флейту на старину Арея! Ни один темный не выдержит моей коронной штопорной маголодии!

– Угу, – буркнул Буслаев. – Если примотать его колючей проволокой к дереву на те полчаса, что ты целишься.

Дафна незаметно положила руку на колено Мефодию, призывая его не спорить. Корнелий никогда не врал. Он всегда искренне верил в то, что рассказывал. Другое дело, что каждый день он рассказывал что-нибудь новое.

– По правилам Запретных Боев ставкой в поединке служит все имущество побежденного: для светлого стража – это крылья и флейта. Для темного – дарх с эйдосами и меч. Иногда темный бьется с темным. Иногда – светлый с темным. Только светлый со светлым никогда, – продолжал Корнелий.

– Почему?

– А смысл? Во-первых, поединок всегда заканчивается гибелью одного из бойцов. Светлые не убивают своих. А во-вторых, зачем одному светлomu стражу крылья другого?

– А дарх ему зачем?

– Ну, дарх-то можно разбить и выпустить эйдосы. Красивый поступок, благородный, если, конечно, тебя самого не нанижут на меч! – пояснил Корнелий.

В голосе у него впервые появилась озабоченность. Веснушки на лице побледнели и выцвели.

– Ну, тому, чьих маголодий боялся Арей, можно не опасаться, – невинным голосом пропела Дафна.

– Ну да... разумеется!

Успокаивась, Корнелий пальцем качнул свои бронзовые крылья. Правое было искривлено и покрыто нестираемой копотью. Связной света уверял, что повредил его на дуэли, однако, по версии Эссиорха, крылья застряли у Корнелия во флейте, когда он выковыривал ими оттуда кусок картошки. Сам Корнелий отрицал это с негодованием.

– А люди принимают участие в Запретных Боях? – спросил Мефодий.

– Нет!!! – поспешно ответила Дафна.

– Почему? – удивился Корнелий. – Хотя, что человек может поставить? Разве только... Ай! Она меня ущипнула! Вот эта вот!

– Кто? Я? Тебе показалось. Хочешь котика погладить? – Не дожидаясь согласия, Дафна принялась отлавливать Депресняка и тыкать его мордой в Корнелия. – Он так нуждается в ласке!

Связной света поспешно попятился, отмахиваясь от Депресняка флейтой с примкнутым штыком.

– Я бы сказал, в чем он нуждается, но защитники животных меня убьют! Ну все, ребят, без обид, но я пошел! Мне чудовищно пора!

– Куда ты? Останься! – крикнул Меф.

– Никак не могу. Я обещал Варваре найти неудачливую пиццу, от которой кто-нибудь растолстел бы! А так мы с Варварой согласны растолстеть вместо него!

– Хочешь сказать, ты украдешь пиццу? – коварно ужаснулся Меф.

– Я спасу чью-то фигуру, пожертвовав своей! Кстати, недавно я сделал великое открытие – Варвара меня любит!

– Правда, что ли?

– Да! Но сама этого не знает. Чисто женский вариант истинного чувства. Она считает, что мучается со мной, но в ее варианте это и есть любовь!

Корнелий шагнул назад, не заметив бортика, зацепился, взмахнул руками и с жалобным воплем ухнул вниз, пытаясь нашарить на шнурке бронзовые крылья. Мефодий и Дафной с беспокойством взгляделись в освещенный прожекторами пятачок. Пятна на асфальте было бы, конечно, не разглядеть, но люди, крошечные как муравьи, спокойно входили и выходили из подъезда. Значит, Корнелий все же сумел отправиться за пиццей.

Глава 4

Две театралки

Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья.

Ф.М. Достоевский – Н.П. Сусловой (19 апреля 1865 г.)

Багров распахнул окно Приюта валькирий. Снаружи хлынул солнечный свет. Мокрый лист, влетев со сквозняком, приклеился к подоконнику. Матвей оглянулся. Ирка сидела в гамаке, свесив ноги. Лицо у нее было утомленное, под глазами круги. Она заснула только два часа назад, бегала, говорила о Бабане, пыталась устроить встречу с Мамзелькиной.

Хитроумная старушка от встречи уклонялась, но продолжала присылать бумажки, которые сыпались с потолка так активно, словно они жили в мистическом лесу под облетающим деревом смерти. Даже ночью Багров слышал, как листья продолжают падать, тихо шурша на полу. Это были выполненные заявки трудолюбивой Аидушки, которая и ночью продолжала свою работу.

– Что у тебя с шеей? – воскликнул Багров, когда Ирка, спрыгнув с гамака, подошла к окну.

– А что у меня с шеей?

– Кровь!

Ирка бросилась к зеркалу. Под ухом у нее были красные полосы – следы ногтей.

– Разодралась. Может, аллергия, нет? Или комара раздавила? Или это не так бывает?

Матвей молчал, тревожно поглядывая то на шею, то на Иркины губы. Накануне вечером он все-таки не удержался и поменял Ирке зуб. Теперешний был таким новеньким, с четкими уголками, каким бывает только совсем молодой, едва проклюнувшийся зуб, не знавший еще ни орехов, не пластиковых окончаний шариковых ручек. Он был настолько свежее своего соседа – тоже вполне еще хорошего и белого, – что сегодня Багров планировал поменять Ирке и прочие зубы, а заодно чуть подправить уши и, возможно, убрать привычку спорить по пустякам. Пусть Ирка на все вопросы отвечает только «Да, Матвей!», «Хорошо, Матвей!», «Как скажешь, любимый!», и не будет всех этих рожиц, вздохов и игры бровями.

Но это были еще не сложившиеся планы, а так, прикидки. Самое невероятное, что Ирка не замечала в себе никаких перемен. Очевидно, вместе с самой деталью менялось что-то и в сознании, и Ирке казалось, что так было всегда.

– Улыбнись! – велел Матвей.

– Зачем?

– Просто я люблю твою улыбку.

– Утром она больше похожа на оскал... Ну пожалуйста! Люби! – и Ирка все-таки улыбнулась.

Матвей с облегчением убедился, что измененный зуб остался таким же новым. И с десной как будто все в порядке. Не кровоточит.

– Тебе не хочется чего-нибудь необычного? Ну там, кусаться? – спросил Матвей, пытаясь голосом превратить все в шутку.

– Кусаться? – удивилась Ирка. – Да нет, кусаться не хочется. Хочется общения, дружбы! Иди сюда, мальчик! Поговорим о чем-нибудь нейтральном. Ты шею мыл? У тебя есть паспорт донора?

Матвей невесело усмехнулся. Обращение «мальчик» наряду с мягким голоском и сомнительным контекстом напомнило ему волхва Мировуда. Добрый дядя Мировуд иногда на пару дней закапывал его в одном гробу с покойником и потом подводил под это какую-нибудь философскую базу. Например, «лучший способ победить страх – остаться с ним наедине». Только у Матвея страх почему-то не побеждался, а, напротив, он потом две недели не разговаривал, трясся и заикался, из чего волхв заключал, что Матвей недостаточно долго оставался со страхом наедине, и опять закапывал его.

Мировуд никогда не сомневался в собственных действиях. Добро и зло он считал слишком общей категорией, утверждая, что раз то, что является добром для волка, не является одновременно добром для съеденной им овцы, то либо добра и зла нет, либо они так относительны, что любой поступок, какой бы ты ни совершил, будет все равно для кого-то добром, хотя бы ты поставил на городскую площадь пушку и расстреливал всех картечью. Этот милый парадокс так его увлек, что, по слухам, он до сих пор решал его в одном из Нижних отделов Тартара. Лигул же, временами навещая Мировуда с раскаленными щипчиками в присутствии двух садистов-мордоворотов, утешал беднягу тем, что его поступок тоже нельзя назвать злом, поскольку нельзя однозначно утверждать, что и с какой целью происходит...

– Все нормально? – спросила Ирка, тревожно наблюдая за игрой теней на лице Матвея.

– А что такое норма? – отозвался Матвей. – Все, не слушай меня... Садись завтракать!

* * *

День прошел тревожно. Ирка то мчалась к Бабане отговаривать ее от операции, то, сердясь на Мамзелькину, посылала Матвея на улицу жечь Аидушкины бумажки. Но вот уж черное чудо: бумажки, на вид абсолютно сухие, не горели, а чадили, испуская удушливый дым.

Ближе к вечеру Аида Плаховна, которую Ирка лихорадочно разыскивала, наконец вышла на связь и назначила ей встречу в маленьком театрике, заблудившемся где-то в районе «Арбатской». Ирка озадачилась. Она не подозревала в Мамзелькиной театралку.

– Я иду с тобой! Я тебя к старухе одну не пущу! – заявил Багров.

– Нет! Я сама! – ответила Ирка так строго и решительно, что Матвей вынужден был уступить.

Выстояв небольшую очередь, Ирка купила билет и долго болталась у входа, высматривая Плаховну. Второй звонок, третий. Мамзелькина явно опаздывала. Нервничая, Ирка забегала по фойе и, не замечая этого, скребла ногтями шею там, где когда-то была родинка. Внезапно чья-то холодная ручка небрежно потрепала ее по щеке. Ирка обернулась и увидела, что Аидушка стоит от нее метрах в десяти. Как она смогла коснуться ее на таком расстоянии, осталось загадкой.

Аиду Плаховну было не узнать. Рюкзачок исчез, исчезли кроссовки и потрепанная куртка. Неизменная коса превратилась в громоздкую ортопедическую трость, нижняя часть которой была обмотана большим непрозрачным мешком.

Ирка подбежала к Плаховне. Та дружелюбно поздоровалась, наблюдая за Иркой маленькими, с лукавинкой глазками.

– Ох, прости, задержалась я! – затарахтела Аидушка и в знак приветливости ущипнула Ирку за руку у локтя. – Спортсмена в аварии забирала, туточки, на Садовом кольце. Такой красивеющий мужчина, а трясется весь, угрожает! Эх, не умеют помирать мужики, прямо исплюесси вся, пока выкосишь! Пропитые и прокуренные еще куда ни шло, с достоинством мрут, а эти красивые, футболисты, культуристы, – смотреть тошно. Да и эйдос у них к телу всегда прирастет, ажно края потом отдираются!

– Почему? Разве спорт – это не мужество?

– Ох, милая, ты меня филохсофией не парь! Мужество-то, может, и есть у них, да только уж больно много они с собой носят. Таким-то сложнее всего помирать. Да сама увидишь, как по вызовам ходить начнешь, – в голоске у Мамзелькиной колокольчиком прозвенело ехидство.

– Спасибо на добром слове! – сказала Ирка и, думая о Бабане, пасмурно добавила: – А женщины как умирают?

– Женщины – те по-разному, но обычно лучше мужчин. Опять же, из опыта говорю. Женщина, даже самая распакостная, перед смертью часто как-то светлеет, прощения у кого-то просит, прям косу не опустишь.

Говоря это, Мамзелькина хитро, по-птичьи, поглядывала на Ирку, точно наперед знала, что у той на сердце. Ирка, бодрясь, разглядывала Аидушку. На старушке была кокетливая беретка, чуть сдвинутая на одно ухо. В правой ручке она цепко держала бинокль цвета слоновой кости.

– Напрокат взяли? – спросила Ирка. Увидев Мамзелькину, она растерялась, и вся заготовленная речь куда-то улетучилась.

– Напрокат-то напрокат, да не здесь! Ну-ка, милая, взгляни! – охотно отозвалась Плаховна, и бинокль вдруг сам собой очутился у Иркиных глаз.

Ирка знала, что театральные бинокли надо бесконечно настраивать, да и то они отражают какие-то кусочки, но этот настраивать не пришлось. Она увидела все тех же людей, что толпились у гардероба и при входе в зал, но только с добавлением одной детали. К голове каждого человека тянулся серый полупрозрачный шланг, похожий на трубки гибкого стока под раковиной. По шлангу, временами застревая и создавая заторы, проталкивались образы. Порой человек отмахивался от них, порой прислушивался, соглашался с тем, что ему нашептывали, и тогда эйдос в его груди начинал тревожно мерцать, испытывая боль.

Образы были у каждого свои. Там, откуда шли трубы, знали, кому и что вливать. У полной женщины в синем платье это была бесконечная череда еды: пончики, курица, лапша с приправами. У ее спутника, худого, дерганого, с желчным лицом, в трубу вливался бесконечный поток опасений. Вот его хватает полиция за преступление, которого он не совершал. Вот с потолка падает громадная театральная люстра. Вот, пока он сидит в театре, ловкий форточник скользит по веревке с крыши, чтобы украсть деньги, которые лежат в носке за электрическим счетчиком.

Особе средних лет, уже дважды грозно оглянувшейся на Ирку, мерещилось, что все – даже незнакомые – хотят ее обидеть, оскорбить или как-то ущемить ее права. Она выпрямлялась, злилась, поджимала губы и не догадывалась, что по трубе в ее голову вливается серая каша, похожая на пережеванную еду.

Женщина с кислым, издерганным лицом с удовольствием выуживала из своей трубы мысли, что вот она страдалница, творящая святое дело, бесконечно уставшая и заслужившая покой и уважение, а ее окружают люди черствые, грубые и наматывающие ей нервы на кишки.

У некоторых образы были невинно-порхающими, но очень быстро сменяющимися, как у той молоденькой коротко стриженной девушки, которая смеялась в телефон и все время подпрыгивала. Не мысли, а сплошной поток радостей, встреч и увеселений. У других – темными и страшными. Так, в голову одного парня, выглядевшего вполне нейтрально, протискивались бесконечные сцены насилия. Любому человеку, которого он видел, парень мысленно стрелял в голову и наслаждался тем, как тот падает. Труба, которая шла к голове парня, была огромной, страшной и раздутой, как кишка какого-то бизона.

Внезапно все трубы разом исчезли. Цепкая ручка отобрала у Ирки бинокль:

– Ну хватит, березка моя недорубленная, засмотрелась! А теперь и в зал пора. Вон уж свет гасят!

– Что это было? – с волнением спросила Ирка.

– Новая задумка Лигула... Ребятишки клиентов прикармливают! С прикормкой-то эйдосы лучше ловятся.

– А вам этот бинокль зачем? Вы же не...

– Это ты верно сказала. Нам, смертям, он особенно и ни к чему. Разнарядки-то сейчас дикие! Каждую секунду народ погибает! Пес его там разберет, что у кого на душе! Чикаешь себе и чикаешь, – равнодушно отозвалась старушка, и сердце у Ирки тревожно упало от этого объединяющего «нам» и отождествления ее с Мамзелькиной, точно Аида считала ее равной себе и не видела между ними никаких различий.

Да и другое напрягло Ирку. Прежде Мамзелькина всеми силами избегала слова «смерть», предпочитая туманное «менеджер некроотдела». А тут почему-то ляпнула открытым текстом. А старушка-то ничего не делала случайно. Это Ирка уже усвоила.

Хотя билет у Ирки был куплен в партер, а Мамзелькина вообще не утрудила себя такой мелочью, как билет, она решительно повела Ирку в директорскую ложу, обычно стоявшую пустой. К ним, негодуя, устремилась одна из контролерш, но Аида Плаховна, коснувшись ее ручкой и участливо заглянув в глаза, спросила:

– Что ж вы свирепствуете над людьми, Ядвига Васильевна? Мы с внучкой легонькие. Стульчиков не протрем!

– Не положено! – огрызнулась контролерша и вдруг изумленно распахнула рот, поняв, что ее назвали по имени.

– И-и, родная, хоть и не положено, а всех положат! Головушка-то как? Не болит? А то глядите: навещу через недельку-другую!

Контролерша качнулась, сжала ладонями виски и ушла, едва ли понимая, куда. Мамзелькина зазвенела мелочью в невидимой копилке и сама закрыла двери.

Спектакль уже шел. Давали «Трех сестер» Чехова, причем вместо второй сестры был почему-то брат, ходящий в женском платье, а вместо первой сестры – манекен с накрашенными губами. Все слова и поступки имели сложную трактовку, о которой автор не мог даже мечтать, поскольку в его время такого чая не нюхали. Каждый из героев, даже второстепенных, вроде проходящего по сцене мужика с вилами, был обязательно в кого-нибудь влюблен и выражал это либо словами, либо движениями, либо особым плакатиком, который висел у него на спине. Плакатики эти, кстати, были почти у всех. На них, кроме дополнительной информации, содержалось и имя персонажа, что было удобно, потому что зрители не путались и знали, что эта девушка на самом деле офицер в капитанском чине, а этот мужчина с бородой – вовсе и не мужчина, и не с бородой, а образ кухонного шкафа, преломленный в сознании горничной.

Но все же главным украшением театра был оркестр, а главным украшением оркестра – роскошный дирижер с гривой, доходящей до середины спины, и руками, от которых ужасались скрипки и дрожали барабаны.

– Ну, перепелочка моя недобитая, чего тебе надо? Зачем встречаться хотела? – обрывая Иркино созерцание, резко спросила Мамзелькина.

Перекивая барабаны и торопясь, Ирка начала объяснять про Бабаню и под конец всунула в сухонькую ручку старушки тот самый страшный бланк. С сомнением вытянув губы, Мамзелькина внимательно посмотрела на печать, а потом сразу на уголок, где карандашиком значилось таинственное «нсогсос». Ирка с Багровым решили, что это запись канцеляриста, сортирующего бумаги, которую он забыл стереть.

– Что это? Разнарядка? Чагой-то я такой бумажки не упомяну!

– Она на мое имя! – крикнула ей на ухо Ирка.

– Ишь ты! Поверх моей головы скаканули! Вместо старшего менеджера сразу меньшому написали! – ревниво отозвалась Аида Плаховна.

– И что теперь?

– А что теперь? Получила письмо – так танцуй! Я-то, признаться, проще узнаю! Покойнички у меня в тетради появляются да еще в одном пергаменте заветном!

Занырнув птичьей ручкой в боковое отделение появившегося рюкзака, Мамзелькина достала ту самую «тетрадь», больше похожую на упавшую в суп и наскоро просушенную записную книжку. Подула на нее, увеличила и стала листать, отвернув ее, впрочем, от Ирки.

– Да, есть такая Арбузова... Дотикали часики! Бери косу да коси! Какой у тебя там срок? Среда? Мне бы твои нагрузки! – позавидовала она.

Пока Мамзелькина листала книжечку, Ирка не отрывала от нее глаз, пытаясь понять, действительно ли Аидушка ничего не знала или коварно притворяется. Но определить что-либо по лицу старушки было невозможно. Плаховна оставалась такой же ехидно-приветливой и быстрой голосом.

Скрипки смолкли, подчиняясь рукам дирижера. Теперь обоим смертям приходилось умерять голоса.

– Арбузова – это... моя... бабушка, – прошептала Ирка так тихо, что сама себя не услышала. Зато Плаховна услышала все прекрасно и жалостливо зацокала языком.

– Вот зверье-то – внучке такое присылать! Совсем совесть потеряли! – сказала она, и на плечо Ирке легла ее цыплячья ручка. Прежде ручка эта была бывшей валькирии противна, даже омерзительна, но сейчас она была благодарна и за такое утешение. Внутри у нее, в верхней части груди, точно камень застрял. Сухие злые слезы жгли ей глаза.

– А если она... не пойдет на операцию? Я не пушу ее! Свяжу, спрячу! – выдохнула Ирка.

– И-и, родная! Гитлера вон в бункере прятали, да и то не убежали! Уж коли час кому пробил, так пробил!

– А если... – выпалила Ирка, смеясь от этого почти дружеского объятия Мамзелькиной. – Если ни вы и ни я ее не... Просто нет, и все? А?

Аида Плаховна посуровела лицом:

– Как это – ни я и ни ты? Работу, что ли, не сделаем?

– Да! И плевать! – Ирка крикнула это так громко, что из партера к ним во множестве повернулись укоряющие лица.

Мамзелькина куриной своей лапкой сгребла Ирку за плечо:

– Нет, березонька! У нас в канцелярии так борщи не варятся... Велено – делай! Оно, конечно, можно под дурачка закосить! Унести какую-нибудь другую Арбузову, поохать: мол, поди их разбери, этих Арбузовых, все круглые, все на одно лицо! Вкалываю без выходных, света белого не вижу! – в голосе старушки появилась плаксивость, но легкая, намечающаяся, словно она чуть приоткрыла, а затем сразу туго закрутила слезный кран. – Так что, готова ты укокошить какую-нить другую Арбузову?

Ирка замотала головой.

– Да оно и не сошло бы! Тут случай особый... – повторно взглянув на бланк, сказала Мамзелькина. – Другое дело, если б ты миллионами людей косила – ну, конечно, могла бы маненько и напортачить... А тут они точно знают, кто такая эта Арбузова! И почему заявку тебе прислали – тоже не секрет. Жилу твою проверяют – выдюжит или нет!

– А что будет, если я откажусь? Просто не сделаю, и все?

– Беда будет! – сурово сказала Мамзелькина, и ее легонькая ручка стала тяжелее могильной плиты. – Твоя коса тебя же и убьет!

– У меня нет косы. У меня копьё!

– Правда? – лукаво удивилась Аида Плаховна. – Ну да я женщина мирная, где мне понимать? Да только разнарядка есть разнарядка!.. Это тебе не с кошечками ранетыми баловаться!

– Пусть коса меня убивает! Не буду младшей смертью! И копьё верну Брунгильде! Без нее валькириям не... – Ирка, зная уже кое-что от Багрова, вдруг запнулась.

– Что «не»? Почему замолчала? – спросила Мамзелькина, переводя на Ирку зоркие глаза.

– Ничего! – быстро исправилась Ирка. – Просто умру, и все!

Аидушка покнула язычком:

– Благородно – да что толку? Убьет копье тебя – станет бесхозным. Мрак найдет ему новую, менее щепетильную хозяйку, а Бабаню твою... извиняюсь... мне придется выкосить, потому – разнарядка!

И Плаховна важно вскинула костяной пальчик к театральной люстре, как если бы разнарядки исходили непосредственно оттуда.

– А если я отдам копье Брунгильде еще до наступления срока? А в среду у меня как бы совсем не будет копья? – не задумываясь, спросила Ирка. Она еще по инерции считала Аидушку союзником, хотя с каждой секундой ее сомнения все росли.

– Дело хорошее! – сразу одобрила Мамзелькина. – Отдавай хоть сейчас! Да только тряпочку-то не сымай... А то как бы, неровен час, Брунгильда твоя не отправилась вслед за Зигфридом и прочими древними...

– Умрет?! – ахнула Ирка.

– Ох-ох-ох! Все там будем, всешеньки! – заныла Аида Плаховна, но опять же заныла кратковременно и намечающе. Она еще ухитрилась, помимо разговора с Иркой, смотреть спектакль. Но восхищали ее не актеры, а дирижер, чьи уже упомянутые руки, казалось, вообще не имели костей, а только одну стремительность.

– Ишь, что творит, собака! Волшебник, натурально волшебник! – сказала Аидушка с восхищением.

– И что мне делать? – спросила Ирка.

Она была раздавлена, загнана в угол. Плечи дрожали. Она плакала, но без слез. Глаза оставались сухими.

– А что тут сделаешь, яблочко мое ненадкушенное? Надо взять себя в руки и скосить! – жестко отрезала Мамзелькина и вдруг, точно сжалившись, быстро заглянула сбоку Ирке в лицо. – Ох, жалко мне тебя, девка! Есть тут одна зацепочка! Посмотри-ка сюда!

Ирка послушно посмотрела на бланк, на место, которое Плаховна очерчивала пальчиком.

– Видишь пометку карандашную?

– «Нсогсос»? – переспросила Ирка. – А что она означает?

– Да я-то откуда знаю? Видать, канцелярист чтой-то свое черкнул! Но по правилам на официальном бланке посторонних надписей быть не должно. Тут как в паспорте: любой лишний штамп или хоть цветочек нарисованный – документ под замену должен идти. Вот мы за это и ухватимся: мол, недействительно, и все тут! Протест то есть подать. А протестов всяких у мрака знаешь сколько? Всякая тля комиссионерская строчит. Пропасть такая размером с море – и вся пергаменты забита, страничками, обрывками всякими! Лет семьдесят будет наша очередь подходить, ну а там уж, сама понимаешь, никто не вечен...

– Мы это сделаем, да? Бабаня будет жить! – воскликнула Ирка, мгновенно обретая надежду и преисполняясь зашкаливающей нежности к Мамзелькиной.

Аида Плаховна тоже ощутила эту нежность и, засмеявшись, поцеловала Ирку в щечку. Ее дыхание пахло еловыми венками.

– Сделаю. Но с условием! Тут страж один есть, Джаф... Говорят, Лигул ему поручил у Улиты и ее сына эйдосы забрать. И Тухломона ему дал под начало.

Мамзелькина произнесла это быстрым, едва различимым шепотком, а когда Ирка начала переспрашивать, строго погрозила ей пальцем: мол, узнала и узнала, а мое дело – сторона.

– Не нравится мне этот Джаф! – продолжала Аида. – Скользкий он какой-то! Вроде говорит, что не боец, да только как его дуэли посчитаешь – приадумаешься. Светлых стражей убил

уже с десятков, в том числе и четверых златокрылых... У мрака семерых прикончил, даже и пару серьезных рубак. Ну оно конечно – ученик Арея! Многое умеет.

Ирка локтем едва не столкнула бинокль в партер:

– Кто ученик Арея? Джаф?

– Он самый, голубка моя! По слухам, Арей тренировал его во время своей ссылки в Тартаре. Непонятно, как Джаф нашел к нему подход. Не исключаю, что Арею нужен был хоть кто-то для совершенствования мастерства. Они занимались лет пятнадцать или около того, а потом поссорились. Говорили, Джаф то ли предал Арея, то ли сделал ему какую-то подлость.

– Подлость в Тартаре? Это же нормально! – легкомысленно сказала Ирка.

Мамзелькина посмотрела на младшего менагера с укором:

– Это нормально для мрака, но ненормально для Арея! Все-таки он был его учителем, а Джаф – одним из самых способных его учеников! Кроме того, хотя поначалу Джаф бился мечом, недавно он обзавелся невидимым оружием. Ран оно, понимаешь, не оставляет!

– Это как – не оставляет? – удивилась Ирка.

– А так. Выходит кто с Джафом на бой, а потом – раз! – и готово. Не поймешь, как Джаф его ухлопал.

– Даже вы не знаете?

– Даже я. А уж мне всегда известно, кто от чего лыжи отбросил. Работенка у меня такая – за другими травку подкашивать.

– А по движениям-то можно понять, чем он атакует? На какой дистанции наносится завершающий удар? – быстро спросила Ирка.

Аида Плаховна кокетливо замахала на нее ручками:

– Чур меня, чур! Ты, милая, меня вумными словами не пугай! Труп – он, милая, мертвец и есть, тело недвижимое!

– И что я должна сделать? Вызвать Джафа?

– Нет, мышка, не примет он твой вызов! Где это видано: младшему менагеру некроот-дела со стражами биться? У меня другой интерес! Надоело мне за Джафом собачкой бегать и глазеть, как он не пойми как стражей ухлопывает! У меня ж тоже профессиональная гордость! Давай так: как следующая дуэль у него, ты сама туда прибудешь и, кого Джаф убьет, приберешь!

Ирка проглотила слюну:

– Значит, сделка? Я соглашаюсь забрать того, кого ухлопает Джаф, а вы за это устраиваете так, что разрядка на Бабаню становится недействительной?

– Недействительная и есть! Я уж, солнце мое, знаю, как бумажку Лигулу подсунуть, чтобы протест наш до конца века разбирался! По рукам?..

– Нет, погодите! А еще я перестаю быть младшим менагером, а копье Таамаг возвращается к Брунгильде! – выпалила Ирка, холодея от собственной наглости.

Она была уверена, что Мамзелькина откажет, но та вдруг хлопнула ее по плечу:

– Не хочешь, значит, смертью быть? Ну шут с тобой, девка! По рукам! Одного заberi, и довольно с меня!

– Так вы согласны? – не поверила Ирка, торопливо протягивая старушке руку.

– Эйдосом клянешься? Бессмертием своим, что заберешь?

Последнюю фразу Мамзелькина произнесла, когда Иркина рука была уже в цепкой ее ладошке. Ирка дернулась было, но сдалась, обмякла.

– Клянусь! – выпалила она, не позволяя себе усомниться. Тяжелая театральная люстра качнулась, зазвенела мутным хрусталем – и Ирка, холодея сердцем, поняла, что ее клятва зафиксирована там, где ни одно слово не может быть стерто.

– Зачем вам это? – спросила она.

– Да так вот! Надоело смотреть, как ты вихляешь. Уж коли взялся за косу – так коси. Так, по-моему! – заявила старушка и, чем-то очень довольная, убрала бинокль в рюкзачок. – Ну, милая, собирайся! Пора нам идти, а то скоро давка в фойе будет!

– Как – давка? А спектакль? – растерялась Ирка.

– Ты что, и спектаклю смотрела? Ну ты прямо Юлиус Цезарь! Тот тоже два дела сразу делал: орехи ел и в ухе ковырял. Не будет никакой спехтакли! – заявила Мамзелькина.

– Как так не будет? Еще же и до половины не дошло! – удивилась Ирка, хорошо знавшая чеховскую пьесу.

– Ды так! Работенка тут у меня. Я и так уж на пятнадцать минут затянула... – охладев глазами, Аида Плаховна неуловимо шевельнула своей ортопедической тростью, и роскошный дирижер – тот самый, кругленький, с длинными волосами – вдруг покачнулся и начал заваливаться, хрипя и хватаясь за ноты.

Труба издала длинный заблудившийся звук. Оркестр сломался, зашатавшись вразброд. Запоздало гукнули и стыдливо замолкли румяные тарелки. К дирижеру бежали, хватали его под руки. Одна из трех сестер, та, которая не была братом, прыгнула со сцены прямо в оркестровую яму и громко, жалобно крикнула:

– «Скорую»! «Скорую» сюда!

Ирка, как в бреду, представила, как в зал въезжает «Скорая».

– Человеку плохо! Сделайте что-нибудь! Вы же им восхищались! – хватая ее за руки, крикнула она Мамзелькиной.

– Служба у нас такая! Разнарядка – она не платок, ей нос не вытрешь! – пропела старушка, подчеркивая не столько слово «разнарядка», сколько «у нас».

Ирка попыталась поймать ее, удержать – да где уж там. Аидушка уже пробиравась к выходу – неспешно, но на деле неуловимо быстро, как ящерка, прячущаяся в трещину в камне. В пространстве истаивал синий силуэт ее страшного сельскохозяйственного орудия, уже нисколько не напоминавшего ортопедическую палку.

Глава 5

Флейта и спата

Дайте человеку необходимое – и он захочет удобств. Обеспечьте его удобствами – он будет стремиться к роскоши. Осыпьте его роскошью – он начнет вздыхать по изысканному. Позвольте ему получать изысканное – и он возжаждет безумств. Одарите его всем, что он пожелает, – он будет жаловаться, что его обманули и что он получил совсем не то, что хотел.

Э. Хемингуэй

Путь к метро Мефодий привычно прокладывал от турника к турнику. Ему было известно, что в первый раз подтянуться он сможет на лазилке детского городка за общежитием. Второй подход сделает метров через триста на ржавой П-образной вешалке для белья. Дальше сразу два турника-близнеца установлены по обе стороны бульвара. И, наконец, в заключительный раз он подтянется на круглой железной трубе, которая соединяет два торговых павильона у метро. Правда, там вечно курят продавцы, и надо еще угадать, чтобы никого не было рядом.

Пока Буслаев раз за разом взлетал к перекладине, выжимая из железа душу, Дафна терпеливо стояла рядом и пыталась отвлечь Депресняка от голубей:

– Ну птички и птички! Ты что, самоутверждаешься? Вон лучше смотри, какая собачка идет! Ой, она полицейская!.. Так что ты там говорил про птичек?

Видя, что Депресняк разрывается на части между голубями и полицейской собакой, Дафна торопливо упрятала кота в рюкзак и затянула шнурок. Рядом кто-то кротко вздохнул, наблюдая за ней. Дафн повернулась и увидела огромного парня, ожидавшего, пока Мефодий освободит турник. Дафна улыбнулась ему, и ее улыбка сработала как открывашка. Душа парня распахнулась.

– Сейчас я вешу сто четыре. Но это я жирка поднабрал. А вообще-то я хочу весить сто одиннадцать! – сказал он густым басом.

– А что будет, когда ты будешь весить сто одиннадцать? – спросила Дафна.

– Сгоню до ста восьми!

Дафна внимательно посмотрела на него:

– М-м-м...

– Что такое? – подозрительно спросил парень.

– Ничего. Восхищаюсь. Приятно, когда у мужчины есть далеко идущие планы! – сказала Дафн и прикусила язычок, опасаясь, что у нее потемнеют перья.

К счастью, парень иронии не понял. Мефодий спрыгнул с турника, и великан, заняв его место, принялся делать выходы силой. Рисуюсь перед Дафной, он так пыхтел, что турник гнулся, а полицейская овчарка остановилась и посмотрела на парня, как волк смотрит на медведя.

– На Мошкина похож! – шепнула Дафна.

– Неа... Мошкин сделал бы выход силой вчетверо больше... А потом сказал бы: «Но это же мне просто повезло, да? Вы же не подумали, что я что-то умею?» – передразнил Меф.

А потом они просто шли по городу, и Мефодий, верный своей привычке, дарил Дафне все подряд. Дома, троллейбусы, улицы и парки. Дафна прекрасно знала, как это пресекать.

– Купи мне торт за тысячу. Вон в той кондитерской, – сказала она.

– Э-э, нет! – сказал Меф, порывшись в карманах. – Лучше я подарю тебе московское метро!

На подарок Дафна охотно согласилась, и они спустились в метро, где, не зная, кому тут все принадлежит, их очень толкали, а сидящего в рюкзаке Депрясяка шарахнуло зеркалом поезда, когда Буслаев показывал Дафне, почему опасно стоять близко от края платформы.

– Потому что котов бьет зеркалом и они потом царапают хозяевам спину, так? – спросила Дафна.

– Ну вот теперь ты знаешь! – подтвердил Мефодий.

Потом они гуляли по городу. Буслаев на правах хозяина показывал Дафне Москву, она же притворялась бедной блондинкой из Эдема и мило хлопала глазами.

– Здесь у нас Красная площадь! Немного дальше – Желтая площадь, Синяя площадь, Зеленая площадь, Рыжая... – тараторил Меф.

– Везет вам, москалям! – охала Даф. – А Полосатой площади нет?

– Есть. Но ее недавно перекрасили, чтобы полосок видно не было! А вон там, кстати, Большая Дмитровка! Не забыла еще? – Мефодий махнул рукой в гущу домов. – Зайдем к Пуфсу на чай?

От предложения Дафна отказалась:

– Ни за какие пельмени! Пуфс так обрадуется, что забудет к стрихнину добавить чай! Так и придется ложкой есть, чтобы не обижать хозяина.

Мефодий засмеялся, но внезапно запнулся и побледнел. Дафна увидела, что он смотрит наискось, мимо пестрого кафе, украшенного искусственными цветами.

– Чего ты?

– Ничего. Я вдруг подумал: какой адрес в Москве мой? И сразу увидел это... – палец Мефа указал на новую жестяную табличку с показывающей куда-то стрелкой.

– «Последний переулок». Хм... Придумают же! Обнадеживающее такое название, жизнеутверждающее! – бодро сказала Дафна, но и у нее как-то нехорошо похолодело сердце.

На дороге взвизгнули тормоза. «Мазда» ударила резко сбросивший скорость «Опель», водители выскочили, но не ругались, а стояли как суслики, вытянув руки вдоль тела. Подвернувшийся тут же гаишник нервно прижимал к груди рацию, правой рукой пугливо царапая кобуру. Через дорогу, не обращая внимания на машины, спешил Зигя. Он был до пояса голый, в красных шортах, в панамке и в руках держал маленькую красную лошадку. Через грудь у Зиги пробегала строчка заросших шрамов. Подбежав к Мефодию, Зигя схватил его за руку и куда-то поволок.

– Куда? Что ты делаешь? – крикнул Мефодий.

– Папоцка! Что-то случилось с мамоцкой! Она лезыт и не дысыт!

Зигя, до крайности напуганный, бежал напрямик на каменную стену с вывеской «Последний переулок». Не выпуская руки Мефодия, двумя-тремя ударами, точно она была картонная, великан проломил стену и скрылся внутри. Несмотря на неудобное положение, Буслаев успел телепортироваться прежде, чем на него обрушились кирпичи. Боявшаяся отстать Дафна ухитрилась телепортироваться даже чуть раньше.

Из прыжка они вышли благополучно и в одно время. Под ногами лежал сбившийся коврик. «Сыночек» ладонью толкнул поцарапанную дверь. Перешагивая порог, Мефодий ощутил ошупывающее прикосновение темной магии. Прижавшаяся к нему Дафна незаметно сгребла в ладонь бронзовые крылья и приготовилась к путешествию по бесконечной квартире, расширенной пятым измерением.

Они двигались по длинной анфиладе абсолютно темных комнат. Зигя взволнованно бежал впереди, распахивая двери. Изредка от возбуждения он начинал дергать дверь не в ту сторону, нервничал и сносил ее ударом кулака. В углах что-то плотоядно дышало. Сырой ветерок тянул из трещин. Мефодий налетел коленом на каменный склеп и, охнув, пробурчал нечто неодобрительное. Рядом росли кактусы. Потревоженные, они открывали глаза и смотрели на Мефа. Потом один кактус таинственно улыбнулся треугольными зубами.

– Простите! Я, кажется, чем-то надыхался, – извинился Мефодий.

– Не стоит извинений. Аналогичная история, – вежливо отозвался кактус.

Впереди забрезжил свет. Мефодий и Дафна оказались в узкой комнате с единственным окном, выходящим на глухую стену. В комнате стоял тяжелый запах несвежего мяса. У стены с уставшим от жизни видом сидела громадная облезлая птица и клевала коровью ногу с содранной кожей. Рядом на корточках устроился Шилов. С его колен петлями свисал гибкий меч. На облезлую птицу он смотрел без дежурной нежности, но с полным внутренним пониманием. Мефодий ощутил, что Шилов и птица глубинно одинаковые. Это проявлялось уже в самой позе тартарианца, ссутуленного и покачивающегося на носках.

– «Черный гриф. Питается падалью домашних и диких животных», – сказала Дафна, удерживая локтем рюкзак с рвущимся в бой котом.

Меф вспомнил болтающее радио в кафе.

– А, тот самый! Из зоопарка... м-м... Позаимствовал? – поинтересовался он, с учетом вспыльчивости Шилова выбирая сглаженные формулировки.

Виктор посмотрел на Мефодия, точно взвешивая, достоин ли тот ответа.

– Свободный выбор! Ночью я выпустил из павильона всех хищных птиц. И только он один полетел за мной. Остальные предпочли неволю, – сказал он, неохотно разомкнув губы.

– Где Прасковья? – спросила Дафна.

Шилов дернул головой, и Мефодий увидел Прасковью. Несостоявшаяся повелительница мрака лежала за узким диваном, с которого скатилась, и была холоднее льда. Лишь виски пылали так, что их едва можно было коснуться. Зигя стоял рядом на коленях, трясся и, сливая слова, повторял:

– Мамоцкамамоцка... Папоцкамамоцка!

– Успокойся, Никита! Да перестань ты! – раздраженно крикнул Шилов.

Зигя продолжал твердить одно и то же. Сейчас он больше доверял Мефу. Все же тот был «папоцка», а Шилов просто «Витя», хотя и дружан по песочнице и вообще свой парень.

Дафна тронула руку Прасковьи. Рука была как деревянная. Спина Прасковьи не касалась пола, опираясь о него только пятками и затылком.

– Давно это с ней?

– Много пять минут, – сказал Зигя.

С определением времени у сыночка Мефа был всегдашний напруг. Он знал только «много пять минут», «вчела» и «длугая следа». «Вчела» нередко могло означать и «завтра». Самым же отдаленным и в веках растворенным понятием была «длугая следа». Например, если, строго глядя в глаза, спросить у Зиги, когда вымерли динозавры, он сначала смутился бы, не исключая, что сам стал тому причиной, а потом, переводя стрелки, ответил бы «длугая следа».

Вспомнив, чему ее учили в Эдеме, Дафна вгляделась в Прасковью истинным зрением. И почудилось ей: она видит вспаханное, готовое к посеву поле, скрытое в непроглядном мраке. То там, то здесь на поле зажигается рыжий огонек жизни, вокруг которого сразу начинает зеленеть и пробиваться трава, но тотчас к огоньку устремляются черные собаки и забрасывают его землей. Где-то же в центре поля, под почвой, лежит нечто напоминающее сгнившую тряпку. Изредка тряпка слабо шевелится, и по земле проходит рябь.

– Подселенец! Ну конечно! – пробормотала Дафна.

Шилов тревожно повернул к ней лицо. Он сталкивался с этими жуткими, лишенными разума существами, которые питаются гноем человеческой души, которую, кстати, сами же и заставляют гнить. И чем больше душа, тем сильнее измывается над ней подселенец. Так вот почему Лигул не опасался, что наследница мрака соскочит с крючка!

– Ты сможешь его выгнать? – спросил Меф.

– Нет!!! – ответила Даф очень поспешно.

– Почему «нет»?

– Ну я боюсь! Я, конечно, могу заставить его вылезти, это не особо сложно, но что будет потом... – она замолчала.

Мефодий достал спату. Клинок был тусклым, но по его центру уже пробежала золотистая жилка. Спата чувствовала близость врага.

– И что потом? – спросил Меф.

– Подселенца надо убить сразу, в первые секунды. Если не справишься – он вберет силу твоего оружия. И тогда его вообще не победишь.

– А куда его надо поражать? В голову? В сердце? – спросил Меф.

– У него нет ни сердца, ни головы. И размера тоже нет. Иногда он как платок, а может растянуться на весь город. Если целая толпа идет рвать кого-то в клочья – значит, ее пожрал один подселенец.

– Это да. Они вечно валяются на дне расщелин Нижнего Тартара и мечтают кого-нибудь захватить. Хоть мертвяка, хоть кого. Только они обязательно заползут в него все вместе и разорвут его на куски. А потом друг друга будут рвать... Тупые совсем, не умеют делиться, – подал голос Шилов.

Словно ощутив, что речь идет о нем, грязное полотенце в груди у Прасковьи шевельнулось, заставив тело мучительно выгнуться. Казалось, еще немного – и шейные позвонки не выдержат.

– Похоже, он ее скоро того... – сказал Шилов. – Когда они совсем выгибаются, то лопаются – и во все стороны ошметки.

– Ты что, ничего не собираешься делать? – спросил Меф.

– Собираюсь. Пойти в другую комнату, чтобы не обрызгало.

Шилов лениво встал, но все же не вышел, а остановился в дверях.

– Ты же хотел идти? – напомнил Буслаев.

– Успею еще!

– Папоцка! Витя! Мамоцке больно! Она плачет! – взвыл вдруг Зигя.

Дафна увидела, как по запрокинутому лицу Прасковьи из уголка глаза бежит слеза. Коснувшись раскаленного виска, капля зашипела и испарилась.

Размытая жалость Дафны собралась воедино и, утратив всякую сентиментальность, сузилась до конкретного поступка. Сердито оттолкнув кота, который упорно рвался показывать грифу, что большой еще не значит крутой, она достала флейту.

– Ты готов? – спросила она Мефа, поправляя мундштук.

– К чему?

– Ко всему! – И, сдвинув брови, Дафна выдохнула маголодию.

Бурлящие светом звуки впились в подселенца. Грязное полотенце зашевелилось и, дрожа, как медуза, выползло у Прасковьи из груди. Двигался подселенец неуклюже. Мефодий, занесший для удара пылающую спату, испытал к нему презрение за эту медлительность. Сияние клинка померкло, и подселенец, вместо того чтобы рассыпаться в пыль от удара спаты, обмотался вокруг нее. Меф лихорадочно попытался стряхнуть его, но не тут-то было. Грязное полотенце плотно обкрутило спату и, вспыхивая, жадно поглощало все ее полыхания.

Буслаев размахивал спатой, сокрушая мебель, но совершенно не вредя при этом подселенцу. Он лишь мешал Дафне, которая, чтобы не повредить ему, не могла выдохнуть маголодию. Спата становилась все тусклее, а полотенце, напротив, наливалось силой.

– Я же говорила! Сразу надо было! Он ее выпивает! – крикнула Дафна.

Идя на риск, Мефодий попытался сорвать подселенца голой рукой, но его скрутило такой безысходной тупой болью, что, выронив спату, он сел на пол и зарыдал. Ему было так скверно, что он покончил бы с собой, если бы вспомнил, как это делается. Но он даже этого не мог вспомнить. Душу его наполняли тьма и уныние, которые хотелось разогнать чем угодно, любой

бредовой выходкой. Он теперь не просто понял Прасковью – он и сам в эти минуты точно стал Прасковьей.

Шилов по-прежнему никуда не уходил, а, стоя в дверях комнаты, точно бич, покачивал в руке гибкий меч.

Воспользовавшись тем, что Мефодий уронил спату, Дафна атаковала штопорной маголодией. Полотенце зашипело, точно мокрая тряпка, в которую ткнули раскаленной головней. В дряблом боку подселенца образовалась обугленная дыра. Грязное полотенце перестало вздрагивать и обмякло.

– Мальчику неприятно. Он ищет выход! – прокомментировал Шилов.

Длинный мостик слизи, всплеснув, перебросился через обугленную дыру, которая начала быстро затягиваться.

– ...и он его нашел! – закончил тартарианец.

Понимая, что момент упущен и каждая следующая маголодия только сделает подселенца сильнее, Дафна опустила флейту. Она ощущала свое полное бессилие. У ее ног, вытирая слезы Депресняком, рыдал Мефодий. Чем больше он их вытирал, тем сильнее рыдал. И чем сильнее рыдал, тем яростнее приходилось вытирать. Буслаев настолько уже ничего не соображал, что, когда кот вырвался, на четвереньках попытался подползти к подселенцу, чтобы ради разнообразия вытереть лицо полотенчиком. Депресняк шел рядом, терся об него и мурлыкал.

– Студенту больше не наливать. Сейчас подселенец его дожрет! – сказал Шилов.

Зигя бросился к нему и схватил за плечи. Все слова у него потерялись. Осталось лишь беспокойство:

– Витя! Папоцка! Папоцка! Витя!

Виктор, морщась, выскользнул у него из рук. Только Шилов умел так выскальзывать. Когда было нужно, он становился гибче веревки. Казалось, у него вовсе нет костей.

– То тебе «папоцка», то «мамоцка»... Ты уж как-нибудь определись, кто где! Ладно, Никита, отойди! – проворчал он.

Кнутовидный меч Шилова захлестнул лежащую спату, выдернув ее из-под носа у Мефодия и подбросив в воздух. Спата еще падала, когда новый горизонтальный удар скользнул вдоль ее клинка. Теперь весь подселенец был разрублен, и только маленький кусочек в центре еще соединял его воедино. Последним ударом Шилов довершил начатое.

Разрубленное на четыре части полотенце повело себя странно. Фрагменты его, сползшие вместе словно для того, чтобы срастись, набросились друг на друга и стали пожирать. Потом что-то ярко вспыхнуло, и Мефодия, до сих пор стоявшего на четвереньках, отбросило на метр. Опустошенная спата, как губка, поглотила всю высвободившуюся энергию. Сознания Буслаев не потерял. Он лежал и вяло смотрел, как по его груди, подбородку и шее, ржаво мурлыкая, топчется Депресняк.

– У-у, вампирюка! Брысь! – Дафна взяла кота за основание крыльев и забросила в рюкзак. На Шилова она смотрела с изумлением: он с легкостью довершил то, с чем не справились спата и флейта.

– Как тебе удалось? – спросила она.

– Да никак, – неохотно отозвался тот, волнообразным движением сматывая свой меч.

– А кто же убил подселенца?

– Да никто. Он сам себя убил.

– Сам?

– Слушать надо лучше. Я же говорил про дно расщелин Тартара? И что они ненавидят друг друга? Разрезанный подселенец превращается в нескольких отдельных. Все, что от меня требовалось, – рассечь его на более-менее равные части. Если бы они были неравные, сильная часть быстро пожрала бы слабую и подселенец опять воссоединился бы. А так – четыре равные части, и – пфф!

Прасковья шевельнулась и села на полу, пусто глядя перед собой. Мефодий, тоже успевший привстать, навалился на нее спиной. Так они и сидели, прижавшись друг к другу лопатками, но даже не понимали этого. Шилов наклонился, подставил черному грифу запястье и, с усилием оторвав его от пола, унес кормить падалью. За ним, громко топая, тащился малютка Зигя.

Глава 6

Милый герой с жуткой тенью

Кто переносит печальное, тот сподобится и радостного, и кто претерпевает неприятное, тот не лишен будет части и в приятном.
Преподобный Нил Синайский

Улита проснулась от собственного крика. Она была мокрой от пота, сердце колотилось. Улита схватилась рукой за лицо и поняла, что рука цела. Ощупала волосы, нос, губы. Села на кровати и включила свет. Рука дважды срывалась с выключателя: Улиту трясло. Рядом в пластиковом кювезе спокойно посапывал ее малыш. Все же Улита наклонилась и, почти касаясь ребенка лицом, долго слушала его дыхание. На ножке у малыша был синий роддомовский браслет со сведениями о росте, весе, дате рождения и имени матери. Улита смотрела на браслет и понимала, что буквы не складываются в слова. Потом сгребла со столика бутылку с теплой минералкой и стала жадно пить. Оставшуюся воду она вылила себе на голову. В палату – а это был маленький бокс на двоих, на мать и ребенка – заглянула остроносенькая медсестра. Вид мокрой Улиты с бутылкой в руках ее напугал:

– Мамоchка, у вас все в порядке?

– Это у вас не все в порядке! – хмуро отозвалась Улита, и у медсестры на посту вдруг зазвонил телефон. Медсестра кинулась к нему, сорвала трубку и долго пугливо повторяла «алло!». Трубка молчала, но при этом была полна жизни. В ней ухали совы, скрипели зубами скелеты и где-то очень далеко хрипло хохотал лесник, которого насмерть защекотывали русалки.

Улита вытащила малыша и, прижав его к груди, стала раскачиваться вместе с ним.

– Ты здесь, Люля! Ты со мной! – повторяла она.

Улита называла его «Люля», хотя полное имя мальчика было Люминисценций. Имя придумал Эссиорх и даже выправил на него особый свиток, который можно было прочитать, только посмотрев на его отражение в проточной воде.

– Люминисценций Эссиорхович! Блеск! Сам придумал или кто помогал? – брякнула Улита, огорчив этим счастливого папу.

Хлипкая кровать скрипела и стонала. В окно роддома круглыми фонарями глядела ночь. В сознании бывшей секретарши мрака еще клубились обрывки страшного сна. Младенец от тряски проснулся и недовольно запищал.

– Люля! Ты мужчина! Будешь голосить – отберу меч! – пригрозила Улита.

Про меч она не шутила. Едва их перевели в палату, Улита затолкала на дно контейнера гладиус, который ей приходилось прятать от врачей. Младенец пока сражался мало, но уже дважды заложил маму, ручкой стаскивая с меча пеленку во время медицинских обходов. Один молодой доктор вздумал вступить за Улиту:

– Успокойтесь, коллеги! Ну меч и меч! Сувенир!

– Конечно, сувенир! В Древнем Риме настоящих не держали! Еще порежется какой-нибудь гладиатор, а римлянам отвечать! – сразу согласилась Улита.

Люля продолжал пищать. Звуки он издавал под стать своему имени: «Ля-ля-ля!»

– Тихо, Люля! Команды на панику не было! – Успокаивая ребенка, Улита поднесла его к груди.

В дверь опять заглянула остроносенькая медсестра:

– Мамоchка, хватит его кормить! Он у вас и так толстый!

– Вас к телефону! – терпеливо сказала Улита, и медсестра, вздрогнув, оглянулась на свой оставленный стол, над которым висел плакат:

**«ХОТЬ КРИЧИТЕ НА ДЕТЕЙ, ХОТЬ БЕЙТЕ —
ВСЕ РАВНО ОНИ БУДУТ ТАКИМИ ЖЕ, КАК ВЫ.
ПОЭТОМУ МЕНЯЙТЕСЬ САМИ!»**

Больше Улиту не тревожили. Ребенок успокоился и уснул. Улита вернула его в кровать. Ей было страшно, несмотря на то что про сны она знала все. Сны разносят суккубы. В теплое время года срок годности сна – шесть-девять часов, зимой – чуть дольше. Если не успеешь разнести сны за ночь, утром их сдают по описи в резиденцию Пуфса, где их хранят в особом холодильнике. Суккубы, разумеется, опасаются сознаться, что у них остались сны. Это как минимум означает, что ночью они отлынивали от работы. По этой причине суккубы предпочитают засунуть неизрасходованные сны куда-нибудь под мост или в подвал, рядом с которым потом так пахнет, словно в нем кто-то умер.

Улите приснился человек без лица, который пришел с тряпкой и вытер ее ребенка, как мел с доски. Раз – и его не стало. Потом точно так же он вытер и саму Улиту. Сделано это было очень деловито, без гримас и угроз, которых Улита, привыкнув к бравате мрака, все равно не испугалась бы. Именно поэтому бывшая ведьма, проснувшись, проверяла, целы ли ее руки, лицо, волосы, а потом долго слушала дыхание ребенка.

– Я спокойна! Это все фокусы! Они мне ничего не сделают! – сказала себе Улита.

Она потянулась к выключателю, погасила свет, и сразу, точно этого мгновения давно дожидались, кто-то постучал в стекло. Улите было известно, что ее окно на четвертом этаже и никаких лестниц нет, но такие вещи ее давно не смущали. На всякий случай материализовав шпагу, она подошла к окну и распахнула его.

И тут же в комнату небрежно вшагнул юный страж мрака в двухцветном комбинезоне, похожем на наряд шута. Он был плечист и смугл, нос его отзывался чем-то львиным.

– Прошу прощения! Я не обознался, это роддом? О, какой милый малыш! Что может быть лучше детей, особенно если без хлеба?

Страж мрака шагнул было к кровати, но тотчас шпага Улиты, прыгнув, как змея, уперлась ему в горло:

– Еще один шаг – и я тебя прикончу!

Это было даже не предупреждение. Бывшей ведьме хотелось, чтобы он сделал этот шаг. И гость его сделал. Только перед этим быстро коснулся шпаги пальцем:

– Запросто! Только возьми веник другой стороной. Этой можно только испачкать!

Улита, почти сделавшая выпад, убедилась, что в руках у нее не просто веник, а какой-то облезлый прадедуська всех нормальных веников. К ручке этого прадедуськи скотчем была примотана бумажка: *«Хозблок № 1. С этажа не выносить!»*

Улита была в таком состоянии, что готова была колотить гостя даже и веником, но он проявил внезапную уступчивость. Примирительно улыбнувшись взбешенной ведьме, он обогнул кровать вдоль стены и оказался у раковины, на кран которой Улита ночью вешала тряпку, чтобы ей не мешал звук капель.

Страж мрака убрал тряпку, открыл кран и напился.

– Какая прекрасная вода после Тартара! Ни урана, ни ртути. Ну хлор, ну немного свинца! – похвалил он, вытирая губы. – Кстати, меня зовут Джаф!

Тут Улита едва не прыгнула на него, пытаясь выцарапать глаза, потому что вспомнила имя стража, которое называл Гаулялий.

– Джа-а-а-аф!!! Так это тебе поручили выцганить эйдос у моего ребенка?

Львиноносый вскочил, вспыхнув от негодования. Скулы его зарделись, кудри растрепались.

– Мне?! Эйдос?! Да как ты могла такое подумать?! Ну да, поручили!

Он признал это так просто и с таким резким переходом, что изумленная Улита застыла, как окаменевшая Горгона. Не дразня ее больше, Джаф показал пустые руки:

– Успокойся! Вот! У меня нет оружия!

– Я так и поняла, – пробормотала Улита.

Она вдруг почувствовала, что Джаф не один. В шкафу определенно кто-то прятался. Причем еще и возился, всеми силами стремясь обратить на себя внимание. Джаф тоже это услышал. Он рывком открыл дверцу, и из шкафа с милой улыбкой на лице вывалился Тухломон.

– Ах да! Мой новый паж! – вспомнил Джаф. – Таскается со мной, как за валькириями эти... как их... носильщики щитов! И, главное, непонятно – какая ему в этом выгода?

Тухломон укоризненно прижал ладони к груди и замотал головой, показывая, что не все в мире определяется выгодой. Бывают и чистые движения незапятнанной души.

– Пусть он уйдет! Или я от него пятна не оставлю! Он меня знает! – предупредила Улита.

– Испарись! – велел Джаф Тухломону.

Комиссионер развинченной походкой зашаркал в угол и сел там, сунув большой палец в рот.

– Подслушивает, – сказала Улита.

– Уши! – приказал Джаф.

Тухломон вытащил руку изо рта и указательными пальцами зажал уши. При этом пальцы его скрылись в голове так глубоко, что вполне могли соприкоснуться внутри.

– Он все равно подслушивает!

– Проверим!

Здрав колено, Джаф пошарил у себя в носке, извлек большое яблоко и нелепый пистолетик системы «Апаш» – гибрид стилета, револьвера и кастета. Откусив от яблока, Джаф аккуратно водрузил его Тухломону на голову, после чего отошел на шаг, прицелился и бабахнул из револьвера. Комиссионер не шелохнулся, хотя яблоко забрызгало ему всю голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.